

НОВОЕ ВРЕМЯ

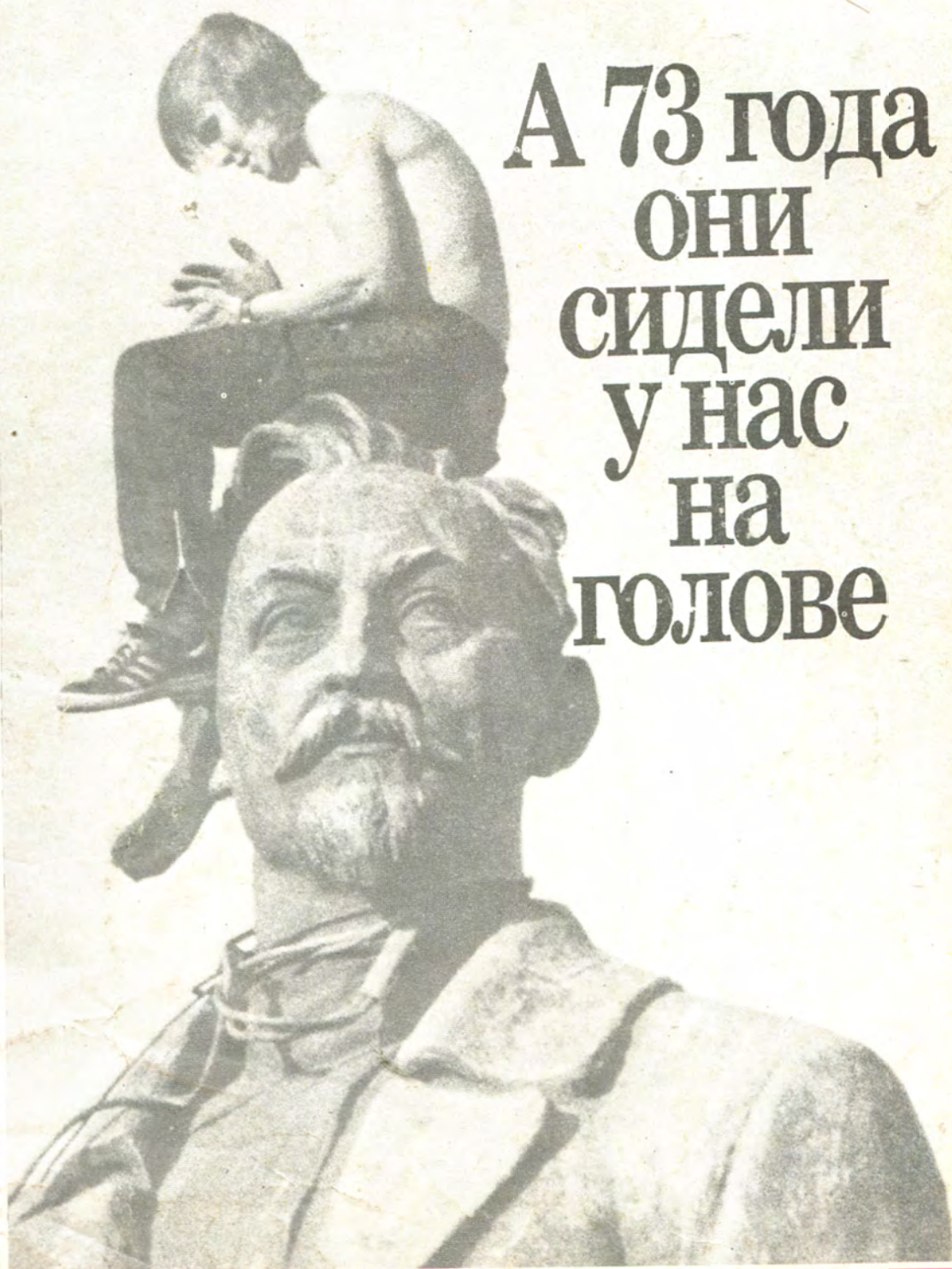
август 1991

ПОБЕДА!
Народ
отбился
от сильных
рук

35

Цена 60 коп.
Индекс 70621

А 73 года
ОНИ
сидели
у нас
на
голове

ISSN 0137 - 0723

Читайте в этом номере:**СТРАНА**

ПУТЧ НЕ ПРОШЕЛ НАРОД ОТБИЛСЯ ОТ СИЛЬНЫХ РУК	4
<i>С. Соловейчик</i> СТРАНА, ПОБЕДИВШАЯ СОЦИАЛИЗМ	6
<i>В. Хильчевская</i> НАШ ЧЕЛОВЕК В БЕЛОМ ДОМЕ	9
<i>Д. Згерский</i> ВЫСТОЯЛИ	10
<i>А. Пумпянский</i> НАША СОВЕСТЬ ПЕРЕД ПУТЧИСТАМИ ЧИСТА, МЫ ПРЕДУПРЕЖДАЛИ ИХ ВСЕХ – ПОИМЕННО	11
ПРЕССА КАК МЫ ВЫПУСКАЛИ №34	13
ОНИ ГОТОВИЛИ ПЕРЕВОРОТ <i>А. Кичихин</i> КГБ ВСЕ ЗНАЛ. И ДЕЙСТВОВАЛ	14
<i>Л. Безыменский</i> НЕТ ТАКОЙ ПАРТИИ	18
<i>С. Кордонский</i> ГДЕ БЫЛА АРМИЯ?	20
<i>К. Исаков</i> «МЫ БУДЕМ СТРЕЛЯТЬ И ДАВИТЬ»	22
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М. Шакина</i> ТРЕТИЙ СОЮЗ	24

МИР

ЭХО ПУТЧА <i>Е. Русаков</i> ТРИ ДНЯ, ИЗМЕНИВШИЕ МИР	26
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>А. Генц</i> БУДАПЕШТ, 1956...	28
«УОРЛД ПЕЙПЕР» – В «НОВОМ ВРЕМЕНИ» АФРИКАНСКИЕ СТРАСТИ	32

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ПОРТРЕТЫ ВРЕМЕНИ <i>Б. Жутовский</i> МАМА	36
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА <i>В. Соболев</i> ПРОПАВШАЯ ДИССЕРТАЦИЯ	40
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>Л. Шестов</i> БОЛЬШЕВИЗМ КАК ОН ЕСТЬ	41
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> ПОГОВОРИМ О СОЛОВЬЯХ	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>В. Ганюшкин</i> АБРАКАДАБРА-3	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Обложка Юрия Роста

Номер сдан в печать 27 августа 1991 года

Путч провалился. Кто его готовил и кто должен отвечать за кровь?

Стр. 4

Будапешт, 1956
Посланец московского политбюро Су-
слов учит Яноша Кадара, как управлять
страной

Стр. 28

Из портретной галереи художника Бо-
риса Жутовского, который не только
рисует, но и пишет

Стр. 36

Главный редактор

**Александр
ПУМПИАНСКИЙ**

Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ,
коммерческий директор,

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Алексей БУКАЛОВ,
ответственный секретарь,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

**Дмитрий
ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,**

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА,

Игорь ШЕИН,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают в:**

Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене,
Дели, Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Риме,
Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском,
английском, немецком,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92
Отдел рекламы: 209-92-82
Печатается в типографии
«Московская правда»**

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Я знаю, как использовать статью Дзержинского, которая больше не украшает Лубянку. Нужно создать музей ненужных фигур. После войны в Москве было нечто похожее: музей трофейной техники. Мы ходили и разглядывали останки поверженного колосса. Это было зримое воплощение нашей победы. Такой же музей войсковых фигур можно было бы создать сейчас: лес поверженных бюстов и статуи — ленины, марксы, дзержинские... Полезная и поучительная экспозиция, особенно для детей.

Г.Осипенко
Москва

■ О работе Комиссии Верховного Совета СССР по привилегиям сказано и опубликовано уже немало. И весь сыр-бор разгорелся главным образом вокруг дач высших чинов министерства обороны.

Но почему нигде, в том числе, похоже, и в документах самой комиссии, ничего не сказано о казенных дачах руководящего состава КГБ СССР — председателя, его заместителей, начальников

управлений и прочих генералов?

Не сказано, видимо, потому, что КГБ — сверхсекретная организация, и членов комиссии просто близко не подпустили к дачам начальников из КГБ.

У КГБ имеются очень засекреченные дачи, о которых известно лишь американской разведке благодаря фотографиям со спутников. Владимир Крючков в свою бытность начальником разведки, то есть первого Главного управления КГБ СССР, построил в районе Ясенева, за кольцевой автодорогой, на территории комплекса зданий штаб-квартиры внешней разведки КГБ, охраняемой с помощью электроники и полка прапорщиков, около двух десятков дач — двухэтажных особняков.

В свое время строительство этих дач оправдывалось тем, что они будто бы предназначались для того, чтобы в них останавливались приезжавшие в Москву руководители разведок из стран бывшего социалистического лагеря и некоторых других «братских» госу-

дарств Азии, Африки и Латинской Америки. Но таких визитов всегда было намного меньше, чем дач. Поэтому дачи изначально использовались за символическую плату самими Крючковыми, всеми его заместителями по ПГУ, начальниками управлений и отделов разведки, то есть одними генералами. Поскольку социалистические разведки и сам социалистический лагерь канули в Лету, то теперь содержание и эксплуатация дач за счет доходов КГБ оправдывается несколько иначе: все начальствующие персоны внешней разведки КГБ, вскрывая коварные замыслы ЦРУ США и его союзников по блоку НАТО, трудятся чуть ли не круглосуточно, и, чтобы они не мотались домой, им предоставлены эти персонально закрепленные коттеджи с холлами и барами, с кухнями и продуктами в холодильнике, с уборщицами и горничными... А в редкие выходные дни они могут даже похлопотать над собственными грядками и ягодными кустарниками, заниматься разведением цветов. И все это — под надежной

Слово матери

■ Я принадлежу к поколению, которое теперь принято называть «дети войны». Впервые с октября 1941 года я видела так близко военных в полном боевом снаряжении. Только тогда вместо сегодняшних бронжилетов была скатка, а вместо «калашникова» — винтовка образца первой мировой войны. Так выглядел мой отец — московский ополченец, который срочно возвращался 16 октября 1941 года в свой «особый арtdивизион».

Тогда я была девочкой-подростком, стояла по ночам на чердаке дома на случай попадания «зажигалок», дежурила у своего подъезда или во дворе, проверяя светомаскировку. Тогда войска шли и ехали на фронт на защиту не только столицы, но и Отечества.

19 августа 1991 года. Теперь уже пенсионерка, я срочно вернулась с дачи, узнав случайно о событиях в Москве: хотя Калужская область — не «американская глубинка», информации, естественно, практически никакой...

20 августа. Я поехала на свою бывшую работу — в наш журнал «НВ», чтобы узнать из более достоверных источников, нежели

ЦТ, что же происходит. Как и большинство людей моего поколения, мы в тяжелые для Отечества минуты не можем сидеть сложа руки, мы привыкли действовать в силу своих способностей и возможностей. На улице Горького, у телеграфа, стояли совсем еще юные ребята, а за ними БТРы. От кого и что они обороняют? От меня? Но в моей сумке не было ничего, кроме лекарства (у меня «павловское» давление: 200/100), небольшой суммы денег, паспорта, удостоверения о награждении за участие в обороне Москвы, выданного 18 марта 1945 года, и пенсионной книжки... В диетический магазин пройти через этот заслон было невозможно. На улице народу много: кто с хозяйственными сумками, кто вообще с пустыми руками... Люди обращались к ребятам с одним и тем же вопросом. Но что они могли ответить?..

Вечером я опять была в центре Москвы. У меня сейчас сын в армии. Я подошла к военному, «охранявшим» вход в Александровский сад.

- Какой год служите, сынки?
- Второй.
- Когда домой?

Музей войсковых фигур

Генералы КГБ — за надежным забором

Путч идет, солдаты спят

охраной и за высоким забором, проникнуть за который не может не только комиссия по привилегиям, но и работающие по соседству рядовые сотрудники ПГУ, от которых существование и использование дач тоже держится в секрете.

Вот на что идут бюджетные ассигнования для КГБ и для внешней разведки.

А.Сергеев
Москва

■ Уважаемый господин главный редактор!

Имею счастье послать письма Эмира Государства Кувейт Джабера Аль Ахмеда Аль Сабаха М.С.Горбачеву — Президенту СССР и Б.Н.Ельцину — Президенту РСФСР.

«Ваше Превосходительство, Господин Президент СССР, мне хотелось бы в эти решающие часы выразить Вам мое Превосходитель-

ству нашу поддержку и симпатию, а также наши искренние поздравления за то доверие, которое испытывает к Вам советский народ...»

«Ваше Превосходительство, Господин Президент РСФСР, мне очень приятно в этот решающий период вашей истории и вашей страны выразить Вам наши симпатии, а также поддержку Вам лично и той мудрой политике, которую Вы проводите. Хотелось бы поздравить Вас с тем великим доверием, которое испытывают к Вам русские люди. Смелая позиция в защиту законности и Конституции, которую Вы заняли, была воспринята с восхищением во всем мире...»

Джабер Аль Ахмед
Аль Сабах,
Эмир Государства Кувейт

■ Статья «Второе пришествие» (№10/91) как раз и показывает, почему так неудержимо, как мотыльки к свече, люди тянутся к идее социализма и так же неизбежно сгорают при соприкосновении с ней. «Мы все люди великого похода за иллюзией, в котором самообман поддерживается прямым обманом». Благородная идея справедливости жжет сердца и... толкает к насилию. Потому что у каждого своя правда, своя справедливость, навязываемые другим под видом всеобщего блага,

Рисунок Виктора Богорада

то и дело оборачивающиеся мечом или дубинкой. Официальные защитники социализма опять становятся на тропу войны. Объявлен новый враг: лжедемократы. Господи, не деды ли наши, по-

делившись на «белых» и «красных», резали друг друга, пытаясь кровью утолить жажду справедливости? Не мы ли сами сбиваемся в толпы «наших» и «ненаших»?

Большое спасибо Соловейчику, сумевшему на трех страничках показать, как и почему мы стали рабами собственной ослепляющей страсти, как великий народ стал сам для себя и жертвой, и палачом.

Геннадий Постнов
Липецк

■ Я бывший офицер, служил в конце 50-х — начале 60-х годов. Уже тогда армейские офицеры выражали недовольство засильем в армии политработников, называли их барами и бездельниками. Я за полную деполитизацию армии! В ней нет места любым органам партийной власти. Тогда и можно будет говорить о конституционности. Армия должна защищать общество, людей, а не КПСС. Должна стоять на страже безопасности страны, а не социалистического выбора.

Рудольф Горбунов
Таджикистан
Подборку подготовила
Т.Чернова

— Мы весеннего призыва.
— Ребята, дорогие мои, помните, прошу вас, что вы давали клятву народу и Родине.

— Мать, мы это знаем...

До 3-х часов ночи я не спала, все старалась по приемнику хоть что-то узнать. И все с «чужих голосов»: о горящем танке на Садовом кольце, о раздавленном гусеницами парне-афганце...

Дождь лил всю ночь. Утром я побежала в магазин, чтобы купить мяса и сварить бульон. Ведь промокшие и промерзшие пикетчики нуждались в горячей пище. Наполнив все термосы, я помчалась к Белому дому. Такие тяжелые сумки вот уже второй раз в этом месяце я тащу на себе: 4 августа ехала на присягу к сыну, и это были те же термосы на всю казарму.

Я шла со стороны метро станции «Арбатская». Первый заслон танкистов-защитников. Подошла к командиру. Лицо бледное — чувствуется, что человек устал смертельно, а его солдаты... спят, спят крепким солдатским сном, задрав люки, сном людей, честно выполнивших свой долг перед Отчизной.

— Мы уже так сыты, нас так уже накормили. Там дальше тоже стоят пикеты...

Нас было много таких, спешивших накормить ребят, продрогших, промокших, сушивших свою одежду у костра и готовых в любую минуту на бой... Москвичи привезли столько еды, что этих запасов, если бы, не приведи бог, пришлось держать оборону, хватило на целую неделю. Несли горячие блинчики и пирожки, завернутые в теплые вещи, чай и кофе в термосах, бутерброды и молоко...

Я пробыла там до окончания утреннего заседания Верховного Совета РСФСР, ибо только там в тот день можно было послушать через динамики трансляцию того, что происходило в Белом доме...

... Три дня в Москве... Здесь были не только москвичи, но и приезжие из других городов и всей страны. Народ отстоял своего президента, и правительство — те, кому мы отдали свои голоса на выборах и вверили свою судьбу, должно сделать максимум возможного, чтобы спасти свой народ от унижения и нищеты.

Лидия Глушук
Москва

Народ отбил от сильных рук

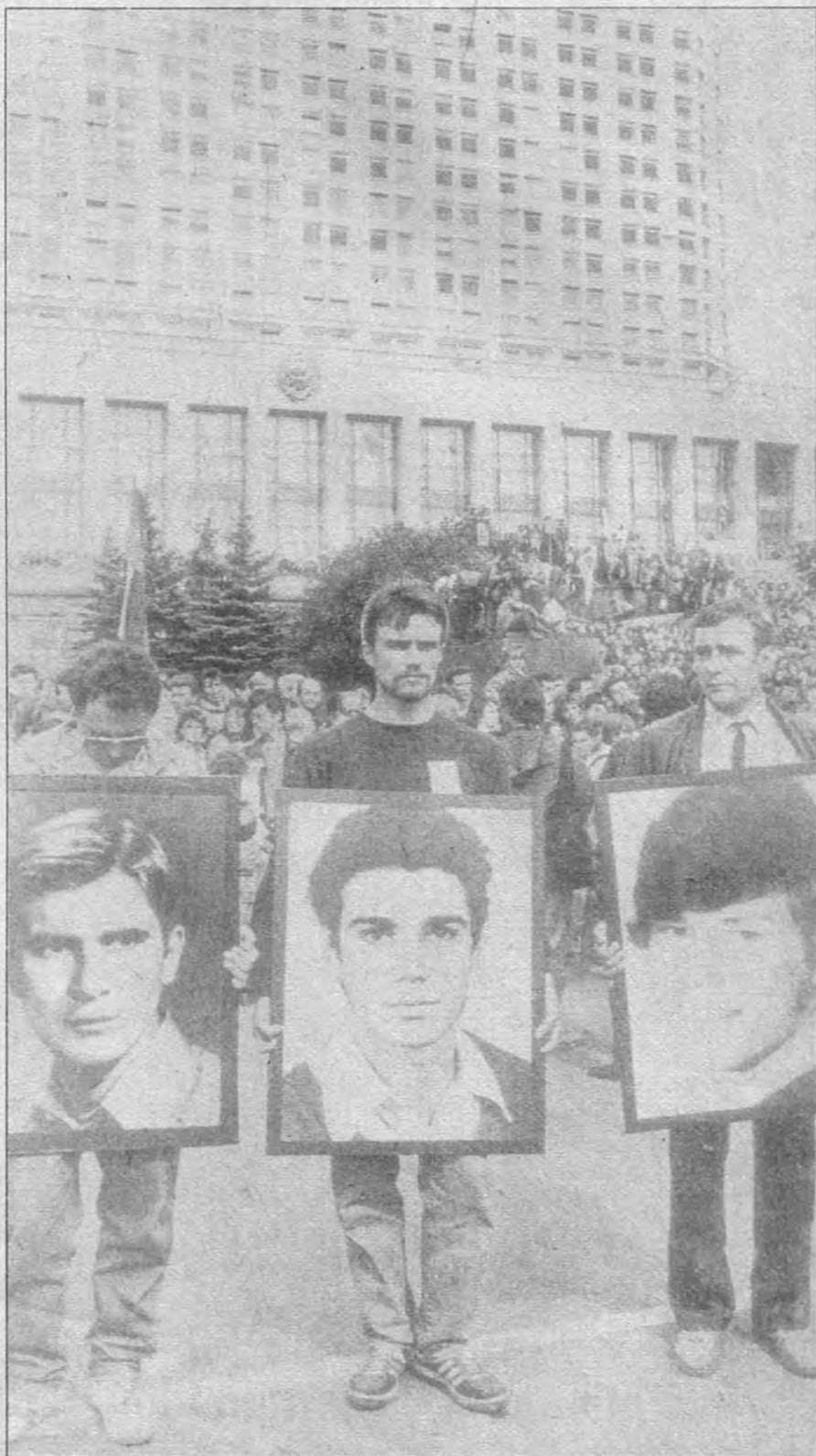

Этот номер о том,
что мы пережили.
Мы посвящаем его
трем погибшим
защитникам
Белого дома, всем,
кто стоял
в оцеплении вокруг
здания Верховного
Совета России,
всем, кто в эти
роковые дни
поднялся на
защиту свободы
и демократии.

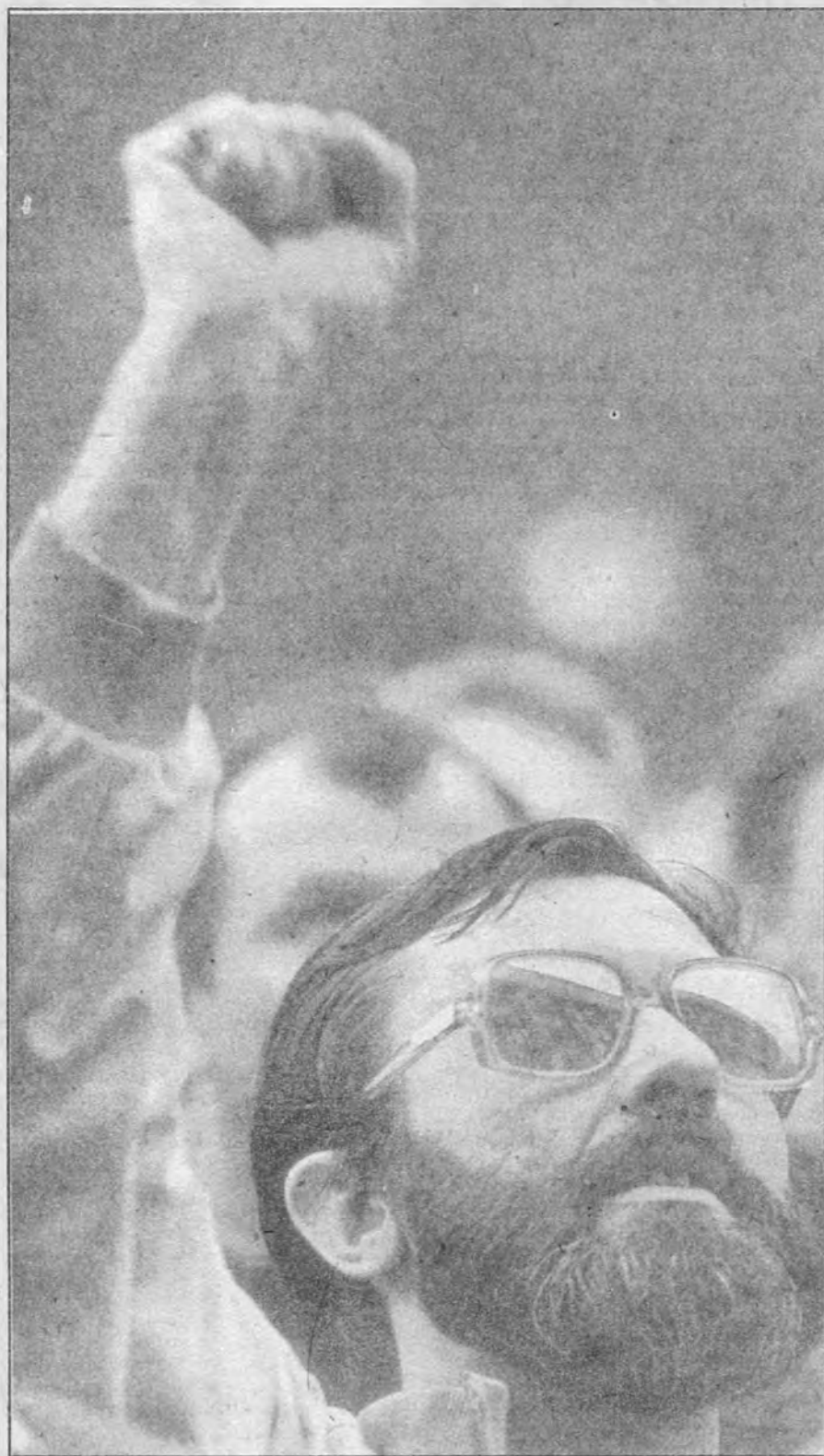

Фотографии

Валерия Милосердова,
Владимира Сварцевича,
Дмитрия Хрупова,
Дмитрия Борко.

Страна, победившая социализм

В страшной конвульсии содрогнулась страна и выплюнула, извергла из себя кость, которой она подавилась в семнадцатом году.

Симон Соловейчик

В смертельной этой судороге все было на грани гибели. Никогда еще враждебная сила не выступала с такой очевидностью и наглостью против народа — танки на улицах, готовые идти на людей, комендантский час, закрыты газеты, арестован в Крыму президент. После октябрьских боев семнадцатого года никогда еще не было в Москве попыток какого-нибудь штурма.

Никогда еще народ с такой силой не поднимался на защиту свободы.

Шесть дней. Три черных дня и три светлых. Три дня к-рабству, три дня к свободе.

Неполная неделя! Размах страстей — от недоумения и ужаса до обретения смелости, до отчаянной храбрости, до робкой радости, до ликования, до горя по убиенным.

Для драматурга придумать такой сюжет и уместить его в шесть дней было бы почти невозможным искусством, но история — величайший драматург всех времен и народов, она сама и есть народ и время, народ во времени. Правда, увидеть такую трагедию, какую увидели мы, выпадает не на каждую жизнь. История не всегда в таком творческом ударе.

Неделя началась на рассвете — как будто нам объявили о наступившем навечно затмении солнца, как будто бы это был указ об отмене обычного дня и наступлении вечной ночи. Постановлением государственного комитета по чрезвычайному положению рассвета сегодня не будет, восход солнца отменяется. Мы вышли на улицы и увидели, что все так и есть: солнце не взошло, вместо него в город вошли танки. Самое страшное в них было то, что они не глушили моторы, бесспорно жгли драгоценное горючее, показывали, что могут двинуться в следующую минуту — куда? На кого?

Новоявленные дикторы телеви-

дения и радио без конца читали одни и те же тексты. Как будто прекратилось течение русского языка и никто не знает других слов, кроме тех, которые записаны в электронную память телевидения и повторяются снова, снова, и опять — нам внушали, что ничего другого и не будет, нет двух и трех программ, есть одна, есть один набор текстов, есть одна сила затмения, и ничего больше нет. Не говорите, не говорите, это было сделано мастерски: подавление сопротивления не аргументами, не словом, а монотонностью бесконечных повторений.

Когда Николай Первый судил декабристов, он разделил виновных по разрядам: первому разряду смерть, второму — каторга и так далее. По первому разряду будут, конечно, осуждены непосредственные организаторы заговора и путча. Но включите в него и Кравченко. Независимо от того, выполнял ли он приказы или сам старался — это не имеет значения, — он делал страшнейшее из дел. Он штурмовал те бесчисленные Белые дома совести, которые высяты в каждой человеческой душе, он окутал страну ядовитым газом похуже «черемухи», он не оставил и щелочки для света, и если по высшей справедливости, то этот не злой с виду, европейски одетый улыбочный человек — перво-разрядный негодяй, предатель, ведь президент специально поставил его для защиты президента страны. Президентское телевидение стреляло в президента.

Наша страна пока что прекрасно приспособлена для устройства путчей и переворотов, для перехода власти из рук в руки за кулисами, без участия народа. Нажал на одну кнопку-Кравченко — и все телевидение из Москвы заливают страну ложью. Послал офицера в типографию — и половины газет нет, послал в другую — и нет другой половины. Не надо брать штурмом почту и телеграф, достаточно позвонить туда — и телеграф закрылся.

Судьба свободы висела на волоске, и вряд ли правильно, когда говорят, что заговорщики были неумными, что они не смогли как следует организовать путч, что не хватило советского Пиночета. Нет, наши пиночеты действовали по всем правилам, но неправильно — с точки зрения игры в перевороты — действовали их противники. Горбачев должен был подписать отречение, его поставили в безвыходное положение, Хрущев в такой же ситуации подписал — а Горбачев правила нарушил, ничего подписывать не стал, более того, послал путчистов в какое-то такое тайное место, что до сих пор все стесняются сказать, куда именно. Ельцин по правилам должен был тут же вступить в переговоры и искать компромисса — он же не самоубийца, есть же у него здра-

вый смысл. А он посягнул на новую власть, не побоялся поставить себя вне нового закона, грозившего карами за подстрекательство к сопротивлению. Кто ж так поступает? Людям в дни путча положено сидеть дома и не высываться — сейчас начнут стрелять, да к тому же и митинги запрещены — а они что делали? Ведь совершенно бессмысленное занятие — безоружными против танков!

Нет, этот народ сошел с ума, он не признает никаких законов, даже законов путча. У Янаева, Павлова и других есть все основания обижаться на народ.

Победила не глупость заговорщиков — глупость легко перекрывается злобной решимостью и жестокостью, для сотворения путчей большого ума не надо, но не глупостью пал мимолетный режим, а решимостью народа и его избранных. Посмотрите: все те, за кого народ голосовал прямо, на открытых выборах, — все остались верными стране: и Ельцин, и Попов, и Собчак, и Руцкой, и Лужков. Выборы — сложное дело, на выборах и за Жириновского голосуют, но все-таки у народа оказалось точное чутье. Демократия доказала свою силу, свое превосходство. Всенародные прямые выборы — лучший способ организации власти.

Увы! У президента чутья не обнаружилось: все, кого он избрал, оказались предателями.

В его распоряжении вся страна, миллионы — выбирай! И кого же он выбрал?

Потому что он выбирал отнюдь не из миллионов. Перестройка кадров состояла в том, что на место первого секретаря ставили второго, на место министра — его заместителя. Все настоящее обновление кадров шло помимо президента.

Ельцин сказал родителям убиенных: «Простите меня, вашего президента, что я не смог защитить, не смог уберечь ваших детей».

Эти слова никогда не забудутся. Перед убитыми, перед их родителями виноваты все мы. Но кто знает, сколько людей погибло бы и было бы замучено в лагерях, если бы не Ельцин, трижды избранный народом — на выборах в Верховный Совет, на президентских выборах и на кровавых выборах вокруг Белого дома. Такого голосования давно не видел мир. Ельцин оказался на высоте во всем — ни единого неверного жеста или слова. А ведь публицисты и социологи еще совсем недавно убеждали нас в том, что Ельцин — ничто, что он лишь популист, что он против государства. Ельцин спас всех нас и защитил — всех, включая

тех, кто его гнал. Представляю себе, что кто-то из правительственных арестантов, особенно чуткий сегодня к справедливости — никто не жаждет справедливости в такой степени, как преступники, попиравшие ее, пока были на свободе, — кто-то скажет: «Но мы не собирались загонять в лагеря, у нас не было этого в планах!» — но разве в планах дело? Есть логика событий, и если ввели ЧП, значит, будут нарушители законов ЧП, и их неминуемо придется арестовывать, — а затем и тех, кто выступит в их защиту. А затем и полстраны. Если ты нарушил конституцию, — убийство поползет за тобой и без твоего желания.

Вот урок: как важны, оказываются, демократические процедуры. Диктатуре процедуры не нужны, она убивает как попало и кого попало. Демократия держится на процедурах. Страну спасло то, что был правильно составлен закон о чрезвычайном положении, — совершить переворот, не нарушив закона, было невозможно, путчисты сразу стали путчистами. Если бы не было, например, статьи о том, что ЧП вводится с разрешения республик или двумя третями союзного Верховного Совета, действия Янаева могли бы показаться как бы и законными.

Демократия должна быть охранена по всем направлениям, тройной и пятерной защитой от монополии. Монополия на печать, монополия на телевидение, монополия на армию и органы защиты страны, монополия в экономике, словом, любая монополия, где бы она ни была и в чем бы ни проявлялась, — вот истинный и единственный враг свободы и демократии. Попытки установить монополию, даже если они и не привели к трагическим последствиям, должны считаться преступными — заранее, а не после трагедии. Монополия — форма существования тоталитаризма. Почему компартия — опасный для народа институт? Не только потому, что она выступила на стороне путчистов (другого ожидать было и нельзя), а потому что, как обнаружилось, в ее руках по-прежнему оказалась огромная и монополия власть: указания ТАССу, например, давал, как сообщали, не путчисты, а секретарь ЦК, и московский партгенерал Прокофьев, решивший, что по слову путчистов все возвращается на круги своя, приказал вице-мэру Лужкову явиться к нему. «Я поеду к Ельцину», — ответил Лужков.

Как они подставили свою партию, нынешние ее секретари! Любимый Ленин строил-строил, великий Сталин укреплял-укреплял, целые поколения вождей создавали эту гран-

Наш человек в Белом доме

Сотрудник журнала **Вероника Хильчевская** три дня находилась в осажденном Доме Советов

День первый

Утром 19 августа самым сложным оказалось пройти в Белый дом. Указание:

журналистов не пускать. Лишь когда внимание милиционеров отвлекли спортивного вида ребята с аккуратными сумками через плечо (впоследствии выяснилось, что это сотрудники частного сыска агентства «Алекс»), я проскользнула внутрь. В холле на пятом этаже перед дверью с надписью «Президент РСФСР» сидели четверо крепких парней с рацией, которые отнеслись ко мне вполне приветливо, когда я показала удостоверение «Нового времени», однако в приемную не пустили. Из-за двери без номера

напротив раздавался лязг затворов и крепкие выражения... Оттуда выходили люди с автоматами. До меня доносились голоса: «Выдаем лишь по две обоймы, больше нет».

Проблуждав по разным этажам, я наконец попала в кабинет Валентина Сергеева, как потом выяснилось, Полномочного представителя Председателя Совета Министров РСФСР. Этот человек помог быстро оформить пропуска журналистам, а узнав о заявлении Буша, немедленно усадил меня с машинисткой за компьютер переводить. Его кабинет мгновенно превратился в пресс-центр. В этой комнате мы прожили двое суток,

передавая информацию во все мыслимые и немыслимые газеты, журналы, радио- и телестанции. Оказалось, что дозвониться из Белого дома в Саратов или Тамбов нельзя, а за границу — элементарно. Телефакс работал отлично, пять московских телефонов — тоже.

К концу дня наладилась работа радиорубки. Поздно вечером нам сообщали, что подземные этажи Белого дома, где есть секретный вход в метро, заминированы. Стало известно, что Таманская и Кантемировская дивизии направляются в Москву. Пресс-центр разрывался от бесконечных телефонных трелей. В какой-то момент я вспо-

мнила, что надо бы позвонить родителям...

Самым радостным событием этого дня стало сообщение, что часть Таманской дивизии перешла на сторону защитников Белого дома. Это вызвало бурю аплодисментов. Остаток ночи прошел более спокойно.

День второй

Ранним утром 20 августа, часа в 4 утра, мы вышли на площадь. Было тихо, накрапывал дождик, у затухавших костров сидели люди. Почему-то пахло грибами.

К 10 утра площадь перед Домом правительства уже бурлила. В коридорах мелькало много знакомых лиц: Владимир Молчанов, Ар-

диознейшую организацию — а нынешние профукали партию в один день. Что им стоило выступить на стороне народа? Два-три слова — и партия цвела бы и процветала еще десятилетия. Но нет, это было невозможно — даже интересно, до чего это было невозможно, ибо и Ленин трудился, и Сталин укреплял, и поколения вождей старались, чтобы выросли такие партийные субпродукты, чтобы именно они оказались в нужное для путчистов время на нужных местах и делали именно то, что они делали, — другое было невозможно.

Коммунистом человек может быть, коммунизм или социализм — это его вера, он имеет право верить хоть в сатану; но правящий коммунист, но коммунист, у которого хоть какая-нибудь власть над государством, — опасен. На мой взгляд, события разворачиваются пока что совершенно правильно: коммунистов не трогают, но власть у них отнимают самым решительным образом, опечатывая здания.

Каждый, кто хочет, оставайся коммунистом или кем угодно — но без права звонить в ТАСС или на завод и давать указания. Без права ставить гриф «секретно» хоть на каком-нибудь листке бумаги. Партию должно судить не за то, что она коммунистическая, а за то, что она втайне сохранила и поддерживает средства монополизации. Присвоила себе власть с элементами монополии. Это должно считаться подсудным делом.

Подумать только — Смольный в Ленинграде опечатан... И ЦК на Старой площади — все опечатано. И представить себе нельзя было неделю назад, что доживем до этого дня.

Может, и вправду все кончилось? И на легендарной «Авроре» можно наконец сыграть отбой?

Совершенно понятно, почему хунта победила в один миг, без единого выстрела — да потому, что государство наше было под игом. Еще недавно оно все насквозь было именно таким, каким его хотели видеть заговорщики. Им казалось, что они совершают переворот для восстановления нормы. Ванька-встанька, отклонившийся от перпендикуляра в силу странных демократических временных преобразований, должен был принять нормальное положение и, слегка покачавшись, свинцово-тяжело замереть. Поэтому все так легко предсказывали переворот — да вот и я вечером 18-го только и говорил, что о возможном перевороте, а надо мной посмеивались: «испугались?»

Я испугался после известного заявления А.Яковлева. По решительности, скакой они исключили из партии самого умного в ней человека, по тому, как они торопились, видно было, что следующая очередь — Горбачева. Это совер-

шенно ясно было видно, это вся страна поняла, кроме Горбачева. У нашего президента не просто нет нормального чувства опасности, у него оно извращено. Он не чувствует опасность там, где она есть, и она мерещится ему там, где ее нет. Этот человек начисто не понимает, кто ему друг, а кто враг. Такая психологическая особенность. У него друг молодости — Лукьянов. Он сам его, видно, выбрал, и уж в наказание судьба дала ему еще одного друга — Янаева... И ведь это же надо было — освободившись, вернувшись, тут же назначить министром обороны Моисеева — пусть даже и о.!. Все были возмущены, всей страной кляли несправимого президента. Его счастье, что отмена пришла достаточно быстро.

Все-таки он аппаратный человек, наш президент. Может быть, лучший из аппаратчиков, но — но он не понимает людей. Вот еще один пример из серии «как можно?» — ну как можно было бранить прессу на первой встрече с ней, выговаривать людям, которые за него же, за Горбачева, за его спасение рисковали жизнью?

Если бы не свободная пресса, если бы не та работа духа, которую вели столько лет под свист и улюлюканье тех, кто духовно готовил путч, президент Горбачев Михаил Сергеевич и сегодня сидел бы

тем Боровик, Мстислав Ростропович...

Прибыло подкрепление из «афганцев». Ельцин произнес речь. Народу было столько, что казалось невероятным, что кто-то может взять Белый дом штурмом.

Однако к 5 часам вечера из радиорубки (передачи вели Александр Политковский и Александр Любимов) начали поступать тре-

возные вести. К Москве подтягивались все новые и новые колонны танков.

Вечером усталый Хасбулатов собрал депутатов и сообщил новые сведения. «Наступил самый критический момент, — сказал он, — часть Таманской дивизии, которая обеспечивала защиту Белого дома, была вынуждена покинуть нас, подчиняясь приказу мини-

стерства обороны СССР. Мы также получили информацию, что нас готовятся атаковать спецотряды КГБ, они высадятся с вертолета на крышу здания».

К полуночи от дыма костров, доносившегося в пресс-центр, и напряжения, буквально висящего в воздухе, стало трудно дышать. А, может быть, было просто страш-

но. Внезапно погасли все огни, по коридорам послышался топот ребят из «Алекса». Всех женщин выставляли из здания, и мне пришлось прятаться за дверь. По радио непрерывно передавали: «Будьте спокойны и бдительны. Не поддавайтесь панике. Люди, стоящие вокруг здания, отойдите на 50 метров. Если пойдут танки — расступитесь! Те, кто внутри здания, расположитесь по двое у окон. Никого не пускайте вовнутрь. Возможна провокация. Отряды КГБ будут пытаться проникнуть в здание под видом защитников Ельцина. Если кто-то будет влезать в окна, в двери, стреляйте без предупреждения».

Кто-то мне посоветовал снять и намочить майку. В случае газовой атаки ею надо прикрыть лицо. Ощущая я добралась до туалета. Чей-то голос окликнул меня: «Ты что с ума сошла, это мужской». «Попробуй сам в этой темноте найти женский», — ответила я.

Мои приключения оказались напрасными. Через полчаса нам выдали настоящие противогазы и даже научили ими пользоваться. Около часу ночи раздались первые выстрелы. Мы бросились к окну, выходящему на площадь. «Пригни голову, на крыше СЭВа снайперы», — крикнули из глубины комнаты.

Кто-то сообщил, что у американского посольства убиты

на даче в Форосе и ждал, что с ним сделают: отравят или еще что?

Мы стали другими людьми (для честности: не без стараний Горбачева) — я окончательно понял это, когда утром 21 августа странички невышедшего, подпольного номера «Нового времени» были расклеены на станциях метро. Я ехал в министерство образования РСФСР, видел толпы — буквально! — толпы людей, читающих длинные наши статьи на метрополитеновском мраморе, и гордился, боже мой, как я гордился!

Хотя ехал-то я зачем? По самому печальному поводу. Министр образования России Эдуард Днепров по своей инициативе в один день организовал подпольное издательство, которое выпускало листовки с указами президента Ельцина. А меня попросили помочь составить обращение к учителям и работникам детских садов... Ужас! Было лишь около часу дня, и никто не знал, на сколько у нас диктатура — на день? На месяц? На десять лет?

Оказалось, еще на два часа, но ведь срок-то был не объявлен. Это нечестно. В следующий раз, господа путчисты, сразу и точно объявляйте, сколько вы рассчитываете продержаться, а то нехорошо получилось, подвели сторонников. Если бы они знали, что вы шутите, разве они сделали бы такие неосторожные заявления, в одну минуту погубившие их карьеры?

Я придумал казнь путчистам. Их

надо поставить в центр круга, образованного из людей, поверивших в них и лишившихся места, милиционер приводит, говорит: «Раз, два, три!» — и отбегает в сторону. Через минуту и косточки не останутся для истории, сожрут, живьем сожрут.

Нет, все-таки, видимо, с выбором Ельцина Бог повернулся наконец к России. В награду народу — как очистилась вдруг страна! Словно сверху был спущен небывалый тест, изображение небесного психолога, и в один день, по одному ответу все чиновные, все заметные, все ответственные лица были — и притом безошибочно — разделены на честных и бесчестных. Без канители, без расследований: почти все послысняли портреты Горбачева (ну заболел человек, ну радикулит у него — зачем же портрету висеть). А Борис Панкин в Чехословакии новое руководство публично и сразу отверг. И так в каждом учреждении, в каждой отрасли, так всюду. Ведь в иных местах бросились составлять списки активных антикоммунистов — я знаю одно такое конструкторское бюро. Еще немного, и посыпались бы доносы. Ведь опыт есть.

Эх, если бы только все это не пропало, если бы послушались повсюду этих указаний сверху — с небом!

Два человека вызывают особый интерес. Первый — Лукьянов. Недавно его печатно называли сукой, я лишь цитирую, но думаю, что брань

эта навсегда прилипнет к нему. Иначе его называть не будут. Ведь пакет указов о затмении начинался с письма Лукьянова, такого письма, что вроде бы не придерешься — а вроде бы все ясно: Горбачев ошибся с договором, получалось, что хунта права. И я думаю, что эта же уклончивость независимо от его воли дала обратный результат: после того как, вилля и вертясь, он все-таки признал незаконность янаевских действий, ельцинские люди тут же перешли на язык ультиматумов. Лукьянов предал сначала своего друга молодости, потом заговорщиков. Остальное доделал страх. Все-таки восьмером совершать путчи неудобно — как делить потом вину за кровь?

Ну и нельзя не вспомнить еще об одном герое — вот молодец! Раскрутил всю идеологию путча, буквально столкнул своих единомышленников в пропасть преступления, получил квартиру и тут же смылся — да так, что никто его и не вспоминает, хотя всего месяц назад он был едва ли не главным действующим лицом, наш общий приятель и партийный командир Полосков... Ау, где вы, Кузьмич?

Переворот.

Мы все нуждались — не в путче и путчистах-чепистах, а в очищающем, освобождающем перевороте сознания, и вот он произошел. Ничего не изменится сразу, жить будет так же трудно.

Но все-таки...

двое. Раздалась еще одна очередь, и небо осветилось голубоватой вспышкой. С площади слышались крики и грохот.

Через час напряжение несколько спало. Очередной слух (не знаю почему, но я больше всего верю слухам) предсказал, что время «Ч» — взятия парламента — перенесено на 4 утра.

«Кишка у них тонка. Крысы они...» «Самое опасное время с 4 до 5 часов утра. Это психологи установили. Притупляется внимание и реакция. Вот тогда они и начнут действовать...» «Сколько мы продержимся? Минут двадцать?»... «Говорят, здание будет брать спецназ. Эти не церемонятся — гранату в комнату

и до свидания»...

Мы сидели и гадали: будет — не будет...

День третий

Утром 21 августа стало ясно — мы победили. Это ощущение росло во мне, когда я перелезала через баррикады и видела девушек, деловито кормивших уставших мужчин, ребят, заснувших в обнимку с булыжниками, старушек с бидонами чая... Ужасно хотелось плакать — от счастья, наверное. Потому что все были такие родные и милые, такие сильные и добрые. Я уже давно не видела заботы и внимания в глазах москвичей. И вдруг я поняла, как мы все изменились за эти несколько дней.

стрить ситуацию, затеять драку немедленно приведут к кровопролитию. Гоните прочь пьяных, людей с палками, камнями или бутылками. Не исключено, что это провокаторы. До свидания, друзья. Я пойду попытаюсь их остановить...

И он вместе с депутатом-священником ушел навстречу нарастающему гулу.

Нас начал инструктировать офицер милиции:

— Перед танками расступиться, перед солдатами сомкните ряды. Если применят газ «черемуха», накройте рот и нос мокрым платком.

Платки были у многих, и мы решили дышать через мокрые от дождя лацканы пиджаков.

Впереди, за стеной баррикады, уже вовсю ревели бронетранспортеры, трещали выстрелы. Прибежал со стороны Садового кольца взволнованный человек с видеокамерой и закричал нам:

— У кого есть машина? Я заснял первые убийства! Надо переправить пленку!

Некоторые молодые ребята вооружились палками. Когда я предложил выбросить их подальше, один из парней приблизил лицо вплотную ко мне и сказал с ненавистью:

— Когда вы увидите рожи этих бандитов, пожалеете, что у вас нет автомата в руках...

Милиционер отобрал у них палки и бросил в один из козлов, горевших под деревьями на газоне.

Хрупкий интеллигент Олег Румянцев остановил-таки колонну бронемашин, хотя и пострадал: ему выбили зубы.

...Мы подошли к подземному тоннелю под Калининским проспектом и увидели следы страшной бойни на асфальте среди остановившихся бронетранспортеров. Именно здесь погибли те трое, которых мы провозжали в последний путь 24 августа.

Сообщили, что штурм перенесли на четыре часа утра. На проспекте вырубил электричество. Все вспоминали слова Ландсбергиса: самая темная ночь бывает перед рассветом. На газоне под дождем «Бригада С» пела свои песни. Женщины угощали нас чаем из термосов, говоря всякие ласковые слова.

Несколько раз за ночь прибегали наши командиры из парламента и просили приготовить к атаке. Потом давали отбой. Думалось: скорее бы рассвет. Пока они снесут баррикады, прорвутся сквозь наши хилые ряды (радио сообщало, что вокруг Белого дома осталось всего тысяч тридцать), начнется рабочий день, и штурм не состоится.

Бронетранспортеры показались неожиданно сквозь пе-

лену дождя, когда наконец начало светать. Мы крепко взялись под руки и тихо запели песню Окуджавы: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...» Каким-то образом они обошли баррикаду справа от нас. Когда они уже были совсем близко, с передней машины раздался крик в мегафон:

— Посторонитесь, друзья! Эти ребята перешли на нашу сторону! Десять машин! Говорит народный депутат России...

Фамилии его мы не расслышали, все потонуло в радостных криках «ура». Смейтесь солдаты, махали нам руками.

«Да здравствует Россия!», «Да здравствует Ельцин!», «Долой коммунистов!»

Вскоре еще шесть боевых машин примкнули к нам. Уже совсем рассвело, и на душе стало весело. На огромных окнах внизу здания СЭВ отчетливо белели крупные буквы: «КОШМАР НА УЛИЦЕ ЯЗОВ», «ЗАБЬЕМ СНАРЯД МЫ В ТУШКУ ПУГО».

Где-то на Можайском шоссе неподвижно застыла Витебская дивизия «черных беретов», где-то 34 танка из Нижнего Новгорода... Хорошо, если бы не было дождя на следующую ночь. Расходимся по домам.

Когда шел по Садовому кольцу домой под проливным дождем, думал, что, пожалуй, самым ярким впечатлением от минувшей ночи были народные депутаты. Хилые интеллигенты. Именно они реально спасали нас всех там, на Калининском проспекте, когда небо проливалось слезы по трем погибшим — последним жертвам «великой октябрьской социалистической революции»...

Рисунки

Геннадия Доброва, сделанные у Белого дома в разгар событий.

Выстояли

Наш корреспондент **Дмитрий Згерский** провел ночь с 20 на 21 августа в цепи защитников Белого дома.

Примерно полчаса мы с коллегой из Информационного агентства «Новости» таскали трубы, возводили баррикады со стороны высотного здания на площади Восстания. Потом — дежурство на отрезке Калининского проспекта между Садовым кольцом и зданием СЭВ. Народу здесь было не очень много: человек триста, если не считать зрителей на широкой веранде здания СЭВ.

Мы разделились на три шеренги в пятидесяти метрах одна от

другой и перегородили улицу этими шеренгами между двумя баррикадами. Говорили, что участок наш самый неприятный, первое наступление пойдет скорее всего отсюда. Штурм Белого дома ожидался в три часа ночи.

После часа началась стрельба. Трассирующие пули с треском рассекали небо, послышался далекий гул идущих бронемашин. Появился депутат Олег Румянцев, лидер Социал-демократической партии. Невысокий худощавый человек в очках с бородкой — типичный интеллигент.

— Сюда идет колонна бронетранспортеров, за ними войска спецназа. Сведения непроверенные, но на всякий случай приготовьтесь. Возьмите друг друга под руки. Вы — наша психическая атака против силы оружия. Попытайтесь поговорить с солдатами. Помните: малейший неосторожный жест, попытка обо-

Наша совесть перед путчистами чиста, мы предупреждали их всех — ПОИМЕННО

Если бы послушались
добрых советов
«Нового времени»,
путча бы не было...

Александр Пумпянский

Заранее прошу у читателей прощения. В этой статье мелькнет несколько ссылок на публикации в нашем журнале. Надеюсь, читатели поймут: дело не просто в нескромности или любви автора к самоцитатам.

Два месяца тому назад 25 июня я написал, и журнал вынес это в лид, в открытии номера: «ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ ДОЛЖЕН УЙТИ В ОТСТАВКУ, ЛИБО ПРЕЗИДЕНТ ДОЛЖЕН ОТПРАВИТЬ ЕГО В ОТСТАВКУ». Это случилось после чудовищного по глупости и цинизму выступления председателя КГБ совместно с министром обороны и министром внутренних дел, а также премьером перед Верховным Советом СССР, в котором явственно прозвучала угроза того, что потом произойдет.

Владимир Крючков не послушался моего доброго совета, и зря. Сейчас бы он был беззаботным пенсионером и сидел на даче, а не в тюрьме в ожидании суда по обвинению в государственной измене и заговоре.

Президент Горбачев тоже не услышал совета, и тоже зря. Он спас бы себя и свою семью от шока — интернирования в Крыму и трехдневного существования на положении заложников в руках своих бывших помощников, обернувшихся в одночасье военной хунтой. И он спас бы от тяжкого испытания страну, к вису которой эта хунта приставила — пусть и дрожащими руками — заряженный пистолет со словами: «Не сопротивляйтесь, мы вас будем спасать».

...После публикации статьи «Все ЦУ дает ЦРУ» мы, признаться,

ждали реакции, но путч — это уж слишком! А в те дни, прекрасно понимая, что эти люди и то, что они представляют, на самом деле ни на что не способны, кроме того, что они способны на все, мы — настолько уж велика наша демократическая испорченность — тем не менее надеялись, что последует какой-то письменный или печатный ответ. И ответ пришел. Правда, не нам в журнал, а в газету «Правда». И не от председателя КГБ, а от секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС, нового «сильного человека» партии Олега Шенина. Он обвинил нас в том, что мы, оказываясь, много на себя берем, чем очень обижаем президента, а главное — довольно неожиданный поворот мысли — знаете, в чем нас обвинил? В нарушении журналистской этики!

Ах, Олег Семенович, с вашим-то опытом партийной работы ну что вы понимаете в журналистской этике? И что за замечательная привычка у этих наших профессиональных незнаком и неотвечаек-ни-за-что, партийных работников, всех непрерываемо поучать: крестьян — как сеять и пахать, шахтеров — как работать, а нас, журналистов, — вот даже обучать журналистской этике...

Мы, естественно, не согласились и свои соображения направили в «Правду». Сделав поправку на интеллект высоких оппонентов и читательской аудитории этой газеты, мы разжевали свои выводы: КГБ — специфическая организация со своими четко очерченными функциями, она не имеет права вмешиваться в политику. Перенесение силовых средств и методов потайных служб в политику смертельно для демократии, для нормального общества. Две недели «правдинские» начальники томилась, смурно обещая напечатать наше письмо в «Дискуссионном листке», естественно, с резкой отповедью нам от своего имени — только вот сначала они должны показать

его самому Шенину... В итоге, конечно, нам пришлось напечатать его у себя, повторить предупреждение («Мнение по поводу «Мнения по поводу», № 30).

Ах, дорогие коллеги из «Правды». Ваша нежность по отношению к секретарям и членам Политбюро совершенно понятна. Но если вы действительно так искренне ценили и любили Олега Семеновича, то вы как раз должны были напечатать наше письмо да еще от себя добавить — порекомендовать ему подумать на досуге над тем, что не дело партии защищать КГБ от журналистов, когда надо защищать общество от КГБ. Сделай он это тогда — и, глядишь, продолжал бы тихо-мирно заниматься своим бесполезным, но во всяком случае не опасным для собственной жизни делом, а не строил бы из себя Макбета Красноярского уезда.

И, кстати сказать, партии бы тоже могло пойти на пользу, если бы ее руководители с меньшей ретивостью спешили представить обществу наглядные доказательства того, что КПСС — действительно глубоко антинародная, заговорщицкая организация.

У секретаря ЦК КПСС Олега Бакланова было еще больше времени. Мы предупреждали его дважды и очень загодя. Коль скоро считается, что он по линии партии отвечает за «оборонку», то мы советовали ему перестать сеять панику, что на нас вот-вот нападут империалистические супостаты — никому мы не нужны, а сосредоточиться на разработке стратегии и тактики конверсии.

Ну а внимание всего честного народа мы обращали на сам этот персонаж — живое воплощение партийно-военно-промышленного комплекса. Опасная фигура — не в силу даже индивидуальных черт. Положение обязывает, и он видит катастрофу не в том, что бессмысленная гонка вооружений выпила все соки у нашего несчастного народа, сделала его голым и босым, а в том, что перестройка лишила нас любимых врагов, а военно-промышленный комплекс — оправдания своего существования. В том, что окончание «холодной войны» с Западом неотвратимо влечет за собой военную демобилизацию, демилитаризацию общества.

На второй день новой эры правления хунты на экране появился московский комендант в условиях чрезвычайного положения, командующий Московским военным округом генерал-полковник Калинин. Он с натугой читал написанные кем-то кошмарные, откровенно лживые слова о каких-то «провокациях», «бесчинствующих толпах», об «опьяненных алкоголем» обидчиках танковых колонн. Это были знакомые, стертые от употребления слова, ко-

торыми наши прокуроры — военные и генеральные, по должности и по душе, объясняли нам то, что произошло в Тбилиси и в Вильнюсе, и Риге, и даже в Новочеркасске тридцать лет назад.

Эту ложь мы разоблачали не раз и не два. «Бунт генерал-полковников» — так мы определили это явление — явление народу Родионовых и Макашовых. Если бы тогда после Тбилиси с погон генерал-полковника Родионова слетела хоть одна звездочка, вместо того чтобы награждать его должностью начальника академии Генерального штаба... Если бы генерал-полковнику Макашову действительно предложили, как это мы настоятельно советовали, выбрать что-нибудь одно: сосредоточиться на военных делах всероссийского ему округа или на политической деятельности, но уж тогда сменив мундир на цивильный костюм... Словом, если бы «бунт генерал-полковников» был усмирнен, дело не дошло бы до путча черных генералов-полковников.

Пять часов мы беседовали в редакции с маршалом Ахромеевым в солнечное субботнее утро, когда так хорошо в лесу или на рыбалке («НВ» № 14 и 15). Вопрос за вопросом мы пытались дать маршалу шанс — обнаружить в его позиции хоть какие-то сильные стороны, аргументы, которые бы убеждали. И не могли найти. На армию клеветают, верх клеветы — разговоры о каком-то заговоре или готовящемся военном перевороте. Сама мысль об этом оскорбительна. Да, действительно, раньше армия была верна партии, но ведь это было в конституции, а сейчас только президенту. Клянусь честью...

В эти дни я хотел позвонить маршалу, но что-то меня остановило — некое неблагодарство этого поступка. Чего уж тут спрашивать, когда все так очевидно. Я медлил, инстинктивно давая маршалу возможность сделать свой ход. И он его сделал.

Ну что ж, по крайней мере он поступил мужественно. Хотя в целом события показались, как много у нас генералов и как мало среди них офицеров. Думается, что задача грядущей военной реформы состоит в том, чтобы привести это уравнение в порядок.

Мы исповедуем корректность, но о премьере Павлове журнал писал исключительно с омерзением: «человек, который вызывает тоскливое предчувствие, что дела, может, и не наладятся, но тебя непременно разденут». И со Стародубцевым почти не спорили. Как выяснилось, провать этого истового сторонника колхозных острогов можно лишь одним способом — посадив под стражу. Сколько о нем писал Юрий Черниченко, в том числе и на наших страницах, — как об стенку горох! Арестованный, он прозрел и покался в ту же минуту.

А Тизикову Татьяна Иванова даже посвятила одну из своих «женских логик». Это же в самом деле феномен — поручик Киже наших бурных дней! Гордо обратиться к народу с предупреждением и призывом и самому откликнуться на этот призыв, войдя в хунту, и при этом ни одна душа на свете не скажет, кто таков. Совсем как в истории со снежным человеком: наследить-то он наследил, но есть ли он на самом деле? Этого, правда, отловили, и теперь следствие установит, не фантом ли он? Не фантазия ли Бондарева с Прохановым? Впрочем, об этом сама Татьяна Иванова пишет в этом номере «НВ».

...В Спасо-хаус, резиденции посла США в Москве, шел обед, который президент Буш давал в честь президента Горбачева. Президент Буш сидел за столиком с Раисой Максимовичей. Президент Горбачев с Барбарой. С Б.Н.Ельциным сидел госсе-

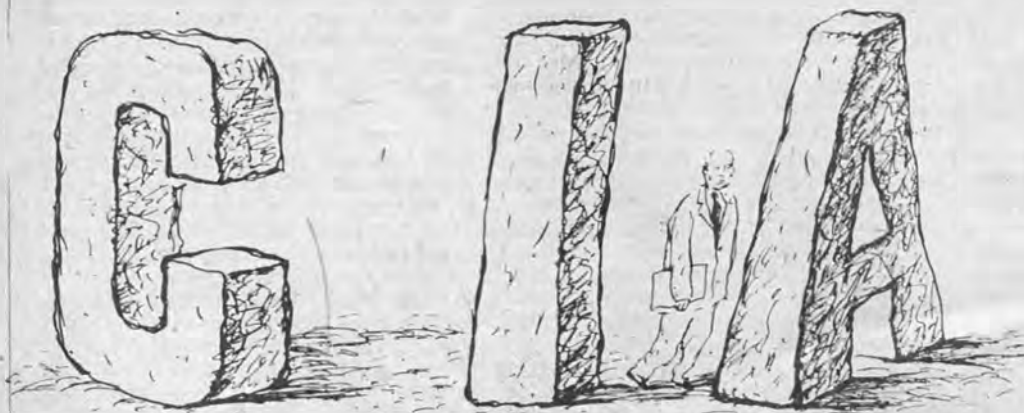
кретарь Бейкер, с Янаевым уж не помню кто, и он скромненько притулился, оживая, только когда встретился глазами со знакомым. Увидев меня, он заулыбался и приветственно покрутил рукой у уха: мол, явони, что же ты никогда не явонишь?

Мы знакомы с «Геней», как его все всегда звали, Янаевым лет двадцать пять, с тех пор, как я работал в «Комсомолке», а он председателем КМО СССР, мечтая — и об этой мечте знали все — стать первым секретарем ЦК комсомола. Мечта не сбылась, и он надолго застрял в ССО-Де, пока вдруг не попал на ступеньку карьерного эскалатора — и понеслось: секретарь ВЦСПС, зампред, пред, депутат от профсоюзов, секретарь ЦК и член Политбюро. Он только успевал делать клятвенные заверения, что всю жизнь мечтал именно об этом — служить рабочим... избирателям... Коммунистической партии, как приходилось уже делать новое заявление. И наконец, немалая вершина — вице-президент СССР. Поистине могучий государственный муж, чьи потенции, впрочем, могла подтвердить лишь его жена, и то если поверить ему на слово...

А как не поверить, если он заявляет об этом публично, на Съезде народных депутатов!

Совсем иным был Борис Карлович Пуго — впечатление тоже из комсомольской юности. Мягкий, воспитанный, интеллигентный — я прошу прощения за павловскую девальвацию этого слова, но таким он выглядел на фоне своих коллег. Приятен в обращении, умел слушать и не строил из себя бонзу. Хотя имел для этого все основания. Комсомольский лидер Латвии, секретарь ЦК ВЛКСМ, ответственный за связи с соцстранами, первый секретарь рижского горкома партии, председатель КГБ республики, первый секретарь ЦК КП Латвии (произнес одну из самых либеральных речей на последнем съезде КПСС), глава ЦКК в Москве, министр внутренних дел СССР...

Конец, который избрал Борис Пуго, тоже по-своему доказывает, что он был не из худших людей. Но вот эта замечательная безразмерность и всепригодность номенклатуры, страсть непременно чем-нибудь руководить, все равно чем: хоть КПСС, хоть КГБ, хоть в республике, хоть в центре, лишь бы быть наверху, на плаву. Беда не в том, что вдруг собралась восточная негодяев. Среди них были авантюристы и люди робкого десятка, те, у кого давно чесались руки рубануть по этой демократии и ее мягкотелому, все распустившему вождю, и те, кто сделал это со

Этот рисунок главного художника «НВ» Игоря Шеина был опубликован в июньском номере

вздохом сожаления и чувством некоей неизбежности: что поделать, ничего иного не остается, надо...

Все свои кадры Горбачев подобрал сам — штучно, поименно, проявляя чудеса изворотливости, чтобы убедить парламент согласиться с его выбором или обойти его. Подобрал по принципу удобства, как подбирают домашние тапочки. Только так могли появиться эти люди: в роли спикера друг юности, этакий Герцен с Ленинских гор, испугавшийся Ново-Огарева, очень уж маленький наполеончик на посту председателя КГБ, комсомольский жуир «Гена» в вице-президентах и главный слуга, который по ночам примерял костюм хозяина, пока не убедил себя в том, что ему этот костюм подходит больше, ведь он сам заказывал его фасон.

Нет ничего удивительного в том, что все они оказались оборотнями. И опять дело не в индивидуальных чертах, а в типе.

К 19 августа 1991 года против Горбачева был практически весь бюрократический класс, весь партийно-хозяйственно-военный истеблишмент. Они говорили об этом открыто, не скрываясь, и это придавало заговорщикам уверенности. А народ они не знают.

Перестройка Горбачева была революцией сверху, то есть бюрократической революцией, хотя и особого рода. Ее главным достижением было то, что она разбудила и раскрепостила народ. А дальше пошла демократическая революция — Сахарова в самом высоком своем выражении... Свободной прессы, нарождающихся движений и многопартийности... Собчака, Попова, Ельцина...

Бюрократическая революция обижалась на демократическую, сражалась с ней. Впрочем, и внутри бюрократической революции шла глухая борьба. В каждой схватке благодаря своему потрясающему искусству маневрирования и компромиссов Горбачев побеждал и каждый раз бывал побежден, ибо терял товарищей и все больше становился заложником тех, кого он так мастерски побеждал. В конце концов он победил полностью — от Ново-Огарева до Лондона, по всему фронту он повернулся лицом к реформе и... растерял к этому моменту едва ли не всех своих соратников из числа тех, кто были личностями и творцами: Шеварднадзе, Шаталина, Петракова, Явлинского, Яковлева... Горбачев остался один. И тогда бюрократия решила задушить революцию.

К счастью, они просчитались. Ибо на защиту достигнутого перестройкой — и лично Горбачева — встала демократическая революция.

Если бы не жертвы, будь моя воля, я бы объявил путчистам всенародную благодарность. В одночасье общественная революция освободилась от всех бюрократических пут, разом покончила и с коммунизмом, и с империей, и со старой аппаратной властью. Да, за это они действительно заслужили благодарность — вместе с приговором, конечно.

Как мы выпускали № 34

Прошлый номер наши подписчики получили с опозданием. Мы хотим объясниться и извиниться. Извиниться, разумеется, за военную хунту, которая пыталась помешать нам встретиться с читателями.

Утром 19 августа на «планерке» было решено: работаем как обычно. Готовим материалы о военном путче под шапкой «Они совершили переворот, но у них дрожат руки». Профессиональный долг совпадает с гражданским. Мы должны представить читателю всю имеющуюся информацию и помочь понять, что происходит. И все это за один день.

Теледиректоры называют список разрешенных изданий. «Нового времени» среди них нет. Объявлено о создании специальной структуры при ГКЧП, которая займется средствами массовой информации. Коллеги полагают, что вот-вот появятся цензоры, назначенные ГКЧП. Звоним в «Комсомолку» — это ежедневная газета, ей печататься этой ночью. В «Комсомолку» цензоры не пришли, следов таинственного ведомства путчистов по делам печати найти не удалось. Журнал попытаются заблокировать в типографии? Но типография издательства «Московская правда» пока продолжает работать.

20 августа, во вторник, номер отправлен в типографию точно по графику. Наша выпускающая и связанная с типографией Светлана Орехова докладывает: «Цех электронного набора работает над номером «Нового времени», первые формы уже готовы». В ночь с 20 на 21 августа объявлен комендантский час: всех сотрудников отпускаем по домам. Но часть нововременцев оказывается в Белом доме и на баррикадах.

Утром выясняется, что типография журнал не печатает. Издательство пытается играть с нами в разные игры. Мы слышим самые нелепые объяснения: сломались машины в офсетном цехе, в издательстве вдруг кончилась бумага, надо подождать цензоров.

В полдень в редакции принимают телефонограмму директора «Московской правды»: «В связи со сложившейся чрезвычайной обстановкой в районе расположения издательства, а

также с введением комендантского часа в Москве и по согласованию с директивными органами работа типографии временно приостановлена». Мы очень уязвимы. Мы забрали из «Московской правды» дискеты и пленки, чтобы их там не уничтожили. Но мы зависим от этой типографии, и нет другой, которая взяла бы нас напечатать. Нет независимых типографий.

Мы уже не ждем журнала и размножаем статьи на ксероксе. Наши сотрудники расклеивают ксероксные листы на станциях метро, везут в Белый дом и в Моссовет. Нам звонят и приходят люди: «Дайте нам номер, у нас мощные ксероксы, мы изготовим тысячу экземпляров». У расклеенного «Нового времени» толпы людей.

В три часа дня 21 августа становится ясно, что переворот не удался. Может быть, теперь «Московская правда» напечатает упущенное? Увы, на дверях типографии замок. Директор издательства: закрыли типографию потому, что боялись возмущенных поклонников запрещенного «Московского комсомольца».

Утро 22 августа. Есть первый арестованный! Вернее, арестованная. У нашей выпускающей Светланы Ореховой отбирают пропуск в типографию. Путч провалился, но журнал по-прежнему не выходит. Исключительно вежливая редакция «НВ» переходит на понятный руководству издательства язык. Мгновенная перемена в настроении. То, что не удавалось сделать в течение полутора дней, «Московская правда» совершает за сорок минут... В прошлом декабре наш журнал стал независимым. В эти августовские дни мы убедились, насколько были правы. «Новое время» ни от кого не зависит, кроме своего читателя.

Нас могут закрыть. Но нас нельзя заставить говорить неправду.

Нам жаль, дорогие читатели, что вы получили наш прошлый номер с опозданием. Правда, не все. Защитники Белого дома получили «Новое время» даже раньше, чем его доставляют самые быстрые почталлоны. Не в пятницу, а в среду. Наутро после штурма.

Редколлегия «НВ»

СТРАНА

Они совершили
переворот,
но у них
дрожат
руки

Штаб российской свободы

В

КГБ все знал. И действовал

Подполковник КГБ утверждает: КГБ был одним из инициаторов путча и заранее готовил общественное мнение к предстоящему откату от демократических преобразований

Александр Кичихин

За последний год центральный аппарат КГБ резко «поправел». Руководство вело активную обработку оперативного состава комитета. Примеров тому много. Один из них — встреча редакционной коллегии газеты «Советская Россия» с пропагандистским активом КГБ в клубе Дзержинского в конце прошлого года. Ни на одном концерте, ни на одном самом интереснейшем мероприятии в КГБ я не видел столько народа. Чекисты встретили появление на сцене Валентина Чикина вставанием.

Выступление главного редактора «Советской России» сводилось к пропаганде социалистического выбора, верности КПСС, отрицанию «альтернативных» форм собствен-

ности, необходимости реорганизовать экономику. Редактор много говорил о «деле Фильшина», издавался над российским парламентом.

Аналогичным примером целенаправленной обработки оперативного состава КГБ стало и выступление Председателя КГБ Крючкова на закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР. После выступления его текст — «по многочисленным просьбам сотрудников» — был разослан в управления.

Консервативность КГБ нарастала и по мере того, как из аппарата уходили молодые сотрудники, те, кто пришел в госбезопасность за последние пять-семь лет и не хотел работать по критериям 30–40-х годов. С октября 1990 года из КГБ ежемесячно уходило до 600 человек. Один из сотрудников, написавших рапорт об увольнении, приложил к нему письмо на имя председателя КГБ Крючкова. В письме объяснял желание выйти в отставку тем, что КГБ «находится в интеллектуальной могиле»...

Заявление коллегии Комитета госбезопасности о том, что часть органов госбезопасности замарана участием в перевороте руководителя КГБ СССР(1), на мой взгляд, преследует определенную цель: скрыть от ответственности других идеологов и соучастников государственного преступления. Кто они?

...Почти год назад в КГБ было создано информационно-аналитическое управление. Первым его начальником стал Валерий Лебедев.

Валерий Лебедев. Коллеги называют его злым гением госбезопасности. Пришел в КГБ в начале 70-х годов. Попал в отдел, занимавшийся борьбой с сионизмом, бывшего 5-го Главного управления. Тем же отделом проводились основные мероприятия по диссидентам. Первым из КГБ отправлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Окончил академию в 1982 году. Получил назначение на должность заместителя начальника отдела по международным отношениям. Затем стал начальником отдела. С этой должности ушел в заместители начальника 5-го управления. В 1987 году стал консультантом Крючкова по внутривластным вопросам, а потом и первым зампредом КГБ. Лебедеву покровительствовал бывший первый зампред КГБ Филипп Бобков, тот самый,

который долгое время возглавлял 5-е управление.

Через информационно-аналитическое управление, созданное по инициативе Лебедева, проходят все документы, которые поступают в центральный аппарат с мест, и все наиболее серьезные документы, которые выходят из центрального аппарата КГБ в государственные и партийные органы. Именно ИАУ держит руку на пульсе всего происходящего в КГБ. Формируя соответствующим образом мнение руководства страны и в первую очередь центрального аппарата ЦК КПСС, посылая им информацию и свои рекомендации, это же управление получало обратно от них установки, что и как надо делать КГБ, основанные все на той же информации и анализе ИАУ. Круг, таким образом, замыкался.

В обязанности ИАУ входил и анализ информации о внутривластных процессах в стране, поступающей в аппарат Президента СССР, где работал преемник Лебедева Юрий Кобяков.

Юрий Кобяков. В органах госбезопасности с середины 70-х. До середины 80-х занимался проблемой крымских татар в бывшем 5-м управлении. Автор программы «Мубарекская зона» — закрепления крымских татар в Узбекистане. После назначения Лебедева на должность заместителя начальника управления стал начальником отдела международных отношений. Окон-

Александр КИЧИХИН — подполковник, сотрудник Управления КГБ по защите советского конституционного строя. В октябре прошлого года вышел с плакатом к палаточному городку у гостиницы «Россия»:

советские немцы в Поволжье становятся жертвой партаппарата и советской мафии. Написал об этом в открытом письме Михаилу Горбачеву, но ответа не получил. Выступал с интервью на эту тему в «НВ». Подписал письмо сотрудников КГБ о необходимости департизации в органах госбезопасности. С августа 1990 года фактически отстранен от дел. 19 августа 1991-го подал рапорт об отставке. Выступил с обращением к военнослужащим и сотрудникам КГБ и МВД не применять оружие и служить Родине и народу

чил Высшую партийную школу МГК КПСС. В 1988 году заменил Александра Карбаинова в отделе административных органов ЦК КПСС. После введения поста Президента СССР перешел в его аппарат.

Можно сказать, что практически всю аналитическую информацию о процессах в стране Президент СССР получал от КГБ, потому что другого института, который бы в таком объеме изучал политические процессы и общественное мнение, просто нет. Информация из КГБ шла ежедневно. Так или иначе в ней содержалась оценка событий, политических взглядов и настроений. Думаю, вполне понятно, какие оценки могли давать президенту сотрудники КГБ, выросшие на борьбе с инакомыслием и диссидентами. Не случайно иногда Горбачев в своих выступлениях использовал термины, принятые и используемые в КГБ: «экстремисты», «антиобщественные» элементы, «националисты».

Утром 19 августа руководство информационно-аналитического управления собрало сотрудников и торжественно объявило, что наконец свершилось то, о чем так долго мечтали в управлении, — восторжествовали социалистические принципы. Личный состав управления встретил эти высказывания достаточно прохладно. Впрочем, у нас вообще не принято высказывать свои эмоции и отношение к происходящему.

Не последнюю роль в подготовке переворота в стране сыграло и Управление по защите советского конституционного строя (Управление «З»). Это управление образовалось два года назад, после реорганизации 5-го управления. Преобразования тогда лишь немного затронули структуру этого управления и

его название. Общие же направления работы остались прежними. В его ведении находятся практически все аспекты внутриполитической жизни в стране — совместные предприятия (кроме созданных ЦК КПСС), всевозможные культурные и благотворительные фонды (кроме созданных партийным аппаратом), организованная преступность, массовые беспорядки и, конечно, межнациональные отношения. Агентурная сеть есть во всех средствах массовой информации, включая радио и телевидение, а также на местах. Через агентуру в органах печати и информации и общественных организациях Управление «З» могло не только изучать, но и влиять на политические процессы в стране.

Один из примеров. 3 июля 1990 года бывший начальник управления Евгений Иванов совместно с начальником 6-го управления генералом Савенковым представили к наградам и премиям сотрудников управлений за мероприятия, проведенные в Новокузнецке, где проходил первый съезд представителей рабочих движений: стачкомы Воркуты, Кузбасса, Донбасса... Вот строки из приказа о награждении: «Проявили интерес к работе указанного съезда сотрудники посольства Великобритании, причастные к спецслужбам, аккредитованные в СССР инкорреспонденты, представители польской «Солидарности», открытые члены НТС, а также неформальных организаций антиконституционной направленности «Саюдис», Рух и другие. (...) В результате принятых мер удалось локализовать подрывные устремления спецслужб противника по сбору негативной информации об обста-

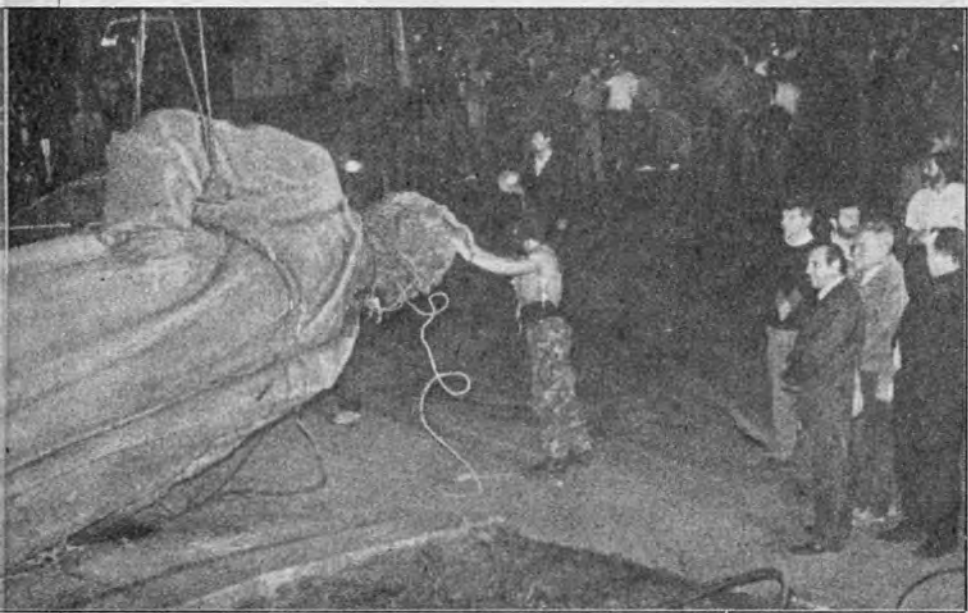
новке в рабочей среде. Совместные действия по руководству источниками, прибывшими на съезд в качестве делегатов, консультантов и гостей, позволили предотвратить принятие экстремистских решений и действий со стороны отдельных рабочих делегаций и их лидеров, сорвать формирование централизованного руководства забастовочным движением в

стране и его подчинение радикально настроенным политическим авантюристам и организациям антиконституционной направленности».

Накануне Съезда народных депутатов РСФСР в марте этого года Александр Редькин, который возглавляет сейчас отдел по межнациональным отношениям, вносил на рассмотрение руководства КГБ предложение: организовать в адрес российского парламента письма протеста от русскоязычного населения прибалтийских республик. Цель — дискредитировать парламент РСФСР. Дескать, русских в Прибалтике ущемляют, а они в Москве спокойно на это смотрят и ничего не предпринимают. Руководство КГБ, по-видимому, дало добро на предложение Редькина.

Тогда же, во время мартовского съезда депутатов РСФСР, в Управлении «З» были организованы специальные группы. Вообще все происходившее в те дни в Москве очень напоминает ситуацию во время переворота. Думаю, что это было вторым предупреждением о готовящемся путче. В КГБ уже тогда к выводу военных на улицы столицы отнеслись достаточно спокойно, как за три месяца до этого спокойно восприняли выступление Шеварднадзе и его предупреждение о грядущей диктатуре в стране. Обсуждали в основном не его выступление, а сам факт ухода с поста министра иностранных дел. Да и то с улыбкой. Уже в то время по КГБ усиленно распускались слухи, что Яковлев и Шеварднадзе сотрудничают с ЦРУ. Впрочем, замечу, что первыми о грядущем наступлении реакции и о роли КГБ в нем предупредила группа сотрудников КГБ, подписавшая в октябре прошлого года обращение к Верховному Совету СССР. В нем говорилось, что КГБ остается страшным оружием в руках КПСС, что это слишком консервативная и политизированная организация. Мы обратились с призывом не дать партократии, рядящейся в демократические одежды, столкнуть КГБ с народом. И уже тогда допускали возможность использования органов и войск КГБ в военном перевороте.

Итак, в марте этого года в Управлении «З» были созданы специаль-

ные группы из числа личного состава управления. Включали в них далеко не всех. В основном молодежь, проработавшую в КГБ по полгода-году, и наиболее преданных и проверенных сотрудников.

В одну из этих групп, например, входил сотрудник управления Сапунов. В те дни, когда в Латвии прошла серия взрывов, Сапунов вместе с заместителем начальника Управления «З» находился в Риге. В Москву он вернулся с контузией. В управлении объяснили, что его сильно ударили во время драки на танцах. С трудом верю, что сотрудник КГБ во время служебной командировки ходил на танцы да еще и вступал в драку с местным населением.

Владимир Луценко, с которым Сапунов был в Риге, руководит отделом по борьбе с организованной преступностью. Незадолго до командировки в Латвию он выступал на чекистской учебе, показывал фильм о том, как его группа обезвредила торговцев оружием в Коврове. Якобы там с завода исчезало оружие и перепродавалось армянским боевикам, которых и задержали. После просмотра видеофильма один из слушателей встал и честно сказал: мне кажется, то, что мы сейчас увидели, — типичная провокация: вы нашли покупателя и его же арестовали.

Всего в Управлении «З» были созданы три такие группы под руководством заместителей начальника управления Геннадия Добровольского, Александра Мороза и народного депутата РСФСР Ивана Федосеева.

В 4 часа утра 19 августа дежурному по Управлению «З» позвонил заместитель председателя КГБ Валерий Лебедев. Он дал команду к 6 часам утра вызвать на работу начальника управления Виталия Воротникова, заместителей Ивана Федосеева, народного депутата РСФСР, и Игоря Перфильева. Остальных вызвать на работу к 7 часам утра.

А накануне была дана команда составить списки оперативных групп, которые будут использованы в чрезвычайной ситуации. Сначала по спискам личного состава управления набрали 60 человек. Из них отобрали 30. В результате в воскресенье удалось разыскать всего 25 человек. Все они были вызваны на работу к 17.00. Руководил Александр Мороз.

Параллельно с этой группой создавалось аналогичное подразделение и в 3-м Главном управлении — военная контрразведка и обслуживание милиции. Эти группы вооружались, всем сотрудникам были выданы командировочные удостоверения без указания места следования. Вечером их погрузили на автобусы и увезли в неизвестном направлении. Часть из них оказалась в Вильнюсе и Риге. Там использованы не были, но и выбраться в Москву не могли. Возвращались в четверг окольными путями через Витебск.

19 августа в управление поступила ориентировка Владимира Крючкова: одобрить действия ГКЧП. Но

настроение в коллективе было подавленное. Рядовые чекисты говорили достаточно откровенно — совершено скотство. Правда, к 21–22 августа оценки изменились: боялись, что люди пойдут громить и вешать коммунистов и чекистов. 19–20 августа заместители начальника управления Юрий Денисов и Игорь Перфильев вместе с начальником управления Виталием Воротниковым ходили по управлению, беседовали с сотрудниками, выполняли указание Крючкова по одобрению деятельности ГКЧП. Оперативная группа управления с утра 19-го сидела с оружием наготове. В то же время отдел Александра Редькина (кроме его самого) заявил о неподчинении распоряжениям ГКЧП.

Еще одна группа по интернированию под руководством Добровольского печатывала типографии и

радиостанции. Кроме Управления «З» в аналогичных мероприятиях участвовало и 2-е Главное управление — контрразведка.

Геннадий Добровольский. Заместитель начальника Управления «З». Был помощником Чебрикова. Ушел вместе с Чебриковым в ЦК КПСС. После отставки шефа вернулся в КГБ на должность заместителя, на которой находится до сих пор. Сотрудники группы по интернированию под руководством Добровольского выезжали для захвата Гддяна. В списке для задержания были имена Глеба Якунина и Галины Старовой и многих других.

У меня складывается впечатление, что не только политические мотивы руководили генералитетом КГБ во время путча и подготовки к штурму российского Белого дома, но и личные. Основной состав со-

трудников, которые сейчас работают в госбезопасности, начинал деятельность в КГБ в 5-м Управлении, то есть взрос на борьбе с диссидентами. Тот же Валерий Лебедев начинал службу в госбезопасности в отделении, которое занималось делом нынешнего председателя Комитета по правам человека ВС РСФСР Сергея Ковалева. Из того же отделения вышли заместители начальника Управления «З» Игорь Перфильев и Александр Мороз. Какие чувства они могут испытывать к окружению Ельцина?

В путче участвовало и 3-е Главное управление, которое контролирует настроения в войсках и наблюдает за всем, что в них происходит, вплоть до перемещений. Особисты в войсках обязаны передавать в 3-е Управление всю информацию о дислокации армии, могут на нее влиять, остановить либо приказывать выдвинуть войска. Я уже рассказывал в интервью «Новому времени», как был отдан приказ Язова использовать войска против крымских татар. Тогда операция по уничтожению палаточных городков татар в Крыму не удалась, потому что особисты аналогичного распоряжения не получили и остановили вывод военнослужащих из казарм. 19–21 августа войска в стране были выведены на «боевые рубежи» наверняка с ведома 3-го Управления — иначе быть не может.

Помимо особистов, осуществляющих контроль в войсках, у КГБ есть свои части. Раньше это был спецназ, войска связи, инженерные войска, пограничные. Теперь, по Закону о КГБ, органам госбезопасности разрешено иметь еще какие-то воинские подразделения. Кроме того, в марте ведомству Крючкова были переданы из армии дополнительно 2 дивизии спецназа. Зачем — стало ясно 19 августа. В результате подсчитать, сколько сейчас войск находится в ведении КГБ, невозможно. Как невозможно узнать, где находилась дивизия Дзержинского, о которой многие спрашивали во время путча и особенно перед штурмом Белого дома. Может быть, с ней произошло то же самое, что и с группой «А», которую иногда неправильно называют группой «Альфа». Всего в ней около 150 человек, но в Москве 21 августа находилось только 30. Остальные были либо в местах национальных конфликтов, например, готовились освобождают заложников в Карабахе, либо в отпуске. Я разговаривал с одним из сотрудников этой группы 21 августа. Он сказал, что группа не решилась штурмовать Белый дом: была деморализована огромным скоплением народа. Помимо этого они не могли пойти на штурм чисто технически. Технология их действий такова, что сначала на штурм идут войска и разметают народ, а затем в помещение врываются сотрудники «А». Стреляют очень редко: они специально

обучены «выключать» людей другими методами. В отличие от захвата телецентра в Вильнюсе, в Москве эта группа не имела перед собой войск.

В ночь с 21 на 22 августа вспомнили еще об одной воинской части КГБ — это полк, который стоит в Теплом Стане. Группа российских депутатов съездила туда и выяснила, что полк находится в боевой готовности, но приказа выдвигаться в центр не получил.

Когда 21 августа Президент РСФСР издал указ о переводе всех воинских подразделений в подчинение России, в 3-м Управлении мнение было единым: если депутаты придут опечатывать помещения или изымать архивы, сотрудники возьмутся за оружие.

21 августа четыре сотрудника Управления «З» подали заявления о выходе из КПСС. В ответ руководство пообещало, что скорее их исключат из КПСС, чем дадут выйти по собственному желанию.

И еще одна страница в истории путча, организованного КГБ.

21 августа сотрудники КГБ могли наблюдать из окон, выходящих во внутренний двор основного здания, как председатель КГБ садится в машину и отправляется во Внуково. В машину к нему положили два портфеля и две большие сумки.

22 августа в 16.00 по КГБ была дана команда собрать все документы в мешки и подготовить к уничтожению. Из-за того, что в четверг почти половина сотрудников гуляла по Москве и на работу не вышла, выполнить этот приказ оказалось затруднительно. Но в 17.00 поступила команда мешки разобрать, документы вернуть на прежнее место. Вечером почти все руководство Управления «З» уничтожало свои документы на бумагорезке (оперативные работники доступа к бумагорезкам не имеют).

23 августа во второй половине дня был дан приказ подготовить к сожжению документы информационно-аналитического управления. Но в 18.00 дали отбой. Всю неделю управление работало очень вяло, выпускало по два-три вида информационных справок, но у сотрудников было такое впечатление, что и те никому не нужны. В справках содержалась краткая информация о реакции на Западе и в республиках на ситуацию в стране. Впрочем, в этом управлении все основные документы были уничтожены уже 21 августа с 15.00 до 19.00.

Особо надо сказать об УКГБ Москвы и Московской области и о российском КГБ.

19 августа в 10.00 состоялось совещание начальников райгор аппаратов Москвы и Московской области, на котором заместитель председателя комитета В. Прилуков, давая указания, как кому себя вести, заявил, что все сотрудники УКГБ, не согласные с действиями ГКЧП, будут

репрессированы. В его телеграмме начальникам служб, самостоятельных отделов, райгор аппаратов (№ 14555) предписывалось создать в УКГБ Москвы и Московской области оперативный штаб в составе руководителя — заместителя начальника управления Кучерова, другого заместителя Корсака, третьего заместителя Пашутина. И еще 21 фамилия.

Помимо организационных мер по охране улиц и площадей Москвы Прилуков приказывал «усилить работу по противодействию диверсионно-подрывной деятельности противника в отношении объектов промышленности, транспорта и связи, предприятий жизнеобеспечения населения, предупреждению чрезвычайных происшествий, саботажа, вредительства, антиобщественных проявлений». Нештатные оперативно-следственные группы, группы повышенной боевой готовности «Волна» с 19 августа и до особого распоряжения центра были переведены на усиленный вариант работы.

Знакомая терминология.

О том, что путч готовился заранее и руководство КГБ готовило его давно, свидетельствует и приказ председателя КГБ № 0036 от 19 марта 1991 года — за несколько дней до съезда депутатов России — о переводе УКГБ Москвы и Московской области в подчинение центральному аппарату КГБ и выводе его из подчинения московским властям. В отличие от московского МВД о переменах в московском КГБ никто не знал.

Российский КГБ, созданный полгода назад, к началу путча так и не начал работать. Его председатель Виталий Иваненко не смог добиться у Крючкова штатного расписания для КГБ России. Председатель КГБ СССР выделил ему всего 20 штатных должностей, на которые были набраны машинистки, секретарши, хозяйственники. Все рапорты сотрудников центрального аппарата КГБ, для которых невыносимо было больше испытывать на себе давление руководства КГБ Союза и которые хотели перейти в российский КГБ, оставались без ответа либо предлагалось подождать. Многие толковые оперативные работники за это время ушли из КГБ на гражданскую службу и возвращаться в органы госбезопасности не собираются. Российский КГБ бездействовал полгода. И, кто знает, не потому ли стал возможным этот путч?

Безусловно, надо провести независимое даже от нового руководства КГБ расследование участия всех должностных лиц и сотрудников аппарата государственной безопасности в подготовке и осуществлении антиконституционных действий в предшествующий переворот период и непосредственно 19–21 августа 1991 года. Ведь возможность повторного переворота остается.

Нет такой партии

Лев Безыменский

Нет больше такой партии — Коммунистической партии Советского Союза, бывшей Всесоюзной коммунистической (большевиков), бывшей Российской коммунистической (большевиков), бывшей Российской социал-демократической (большевиков)

Ее нет по меньшей мере с ночи с 20 на 21 августа 1991 года. Спорить можно лишь о дате, ибо если определится участие ее руководства в путче, то дату можно будет перенести на ночь с 18-го на 19-е.

Но до вечера 20-го она еще была. У нее был единственный и последний шанс спасти свое название, честь своих членов. Если бы к концу дня 19-го она призвала бы саму себя и свои организации встать на защиту закона и демократии. Если бы, обладая стройной организацией, всеми многочисленными и исправно действующими обкомами и райкомами, стала ядром сопротивления хунте. Если бы немедленно освободила собственного генерального секретаря, попавшего в плен в Крыму, и для этого мобилизовала хотя бы секретаря Крымского обкома, минимум секретаря Севастопольского райкома. Если бы в страшную ночь с 19-го на 20-е именно она встала в первые ряды защитников Белого дома на Пресне. Если бы ее ЦК стал штабом защиты Родины. Если бы...

...Днем 20-го я был в здании на Старой площади. Спокойствие высоких коридоров, ковры, мягкий свет. Мертвая тишина. Редкий встречный. Интересно: ну, что говорит ЦК? Да, вчера заседал Секретариат. Обсуждал. Что-то решил. Документа нет. Собирались созвать пленум ЦК. Теперь отменили. Вот и все.

Так что же, не оказалось у КПСС позиции по самому, **самому** главному вопросу? И это одно являлось бы приговором общественной организации, претендующей на звание

Фото Дмитрия Борко

партии. Даже партия господина Жириновского позицию имела, немедленно восславив хунту. А КПСС молчала. Так именно это и выглядело.

Но, увы, мы до сих пор живем в двойном мире. В одном из них ЦК КПСС выступил перед страной, перед миллионами своих членов безмолвным свидетелем событий, не имеющим, что сказать. Но это лишь один мир, один облик. Оказывается, существует и другой, куда более страшный для судеб КПСС. Как заявил не кто иной, как член Политбюро (бывший) ЦК КПСС, руководитель коммунистов Казахстана и президент республики Назарбаев, он получил из Москвы 19 и 20 августа — сиречь после упомянутого выше заседания Секретариата

ЦК — директиву поддержать ГКЧП! Еще убийственнее выглядит обстоятельство, сообщенное самим Горбачевым: среди арестованных его эмиссаров хунты был член Политбюро, секретарь ЦК Олег Шенин.

Есть в следственных документах печальная формула: «Вскрытие покажет...» Но мы не ведем судебного расследования, им займется и уже занимается прокуратура. Мы размышляем вслух о том, что ясно и без прокурора. И даже не о том, что среди членов хунты были члены ЦК и Янаев с наивной гордостью объявлял об этом на пресс-конференции 19 августа. Куда страшнее духовное сродство идеологии и практики путча с той тенденцией, которая в

последнее время брала верх в деятельности руководства КПСС и находила свое выражение на страницах партийной прессы.

Эта тенденция, а правильное сказать — сознательная политическая линия, была начата Ниной Андреевой на страницах «Советской России», а в преддверии путча приобрела подтверждение в опубликованном той же газетой в качестве царского манифеста «Слове к народу». Последовательно и настойчиво на эту линию толкали всю партию.

А существовала ли она к этому времени? Практически раскол КПСС уже давно свершился — и вовсе не потому, что в ней возникли фракции. Кстати, это было бы не так уж плохо; по-меньшей мере шел бы спор. Вместо него царил латергия. Партия распалась не на фракции, а на некие плохо соединенные между собой слои. Существовала занимавшаяся сама собой верхушка, давно потерявшая чувство реальности и связь даже с непосредственно подчиненными ей органами. Далее, существовал довольно широкий обкомовско-райкомовский слой партийного аппарата на местах. Конечно, неоднородный. Но как показали августовские события, в своем большинстве накрепко связанный с традициями прошлого. А ниже, дальше, — «низовые слои», те самые члены КПСС, именем которых продолжают говорить, не спрашивая их. Я уверен, что среди защитников беспартийного президента России было много членов КПСС. Но они шли на Краснопресненскую набережную по зову совести, а не по зову партии. Но были и такие, кто поспешно побежал в парторганизации платить членские взносы, дабы окантаться «в струе».

Судьба этого миллионного слоя самая трагическая. Людей предали дважды. Что касается хунты, дело ясное: она хотела загнать членов КПСС в старые пути. Представьте себе XXIX съезд (не думаю, что он состоится) в условиях лужковско-пешинского режима! Не меньшее предательство совершили союзный и российский ЦК, своим поведением бросившие тень на рядовых коммунистов. А сейчас может совершиться и третье предательство. «Рядовые не виноваты» — таков новый тезис. Он верен. Но почему-то он звучит из уст партийных генералов, внезапно проникнувших вниманием к рядовым. Поздно! Вдобавок аргумент изрядно попикивает стремлением спасти не рядовых, а самих себя. Настоящей заботой о них будет нечто иное: возможность миллионам членов бывшей партии стать активными членами нового гражданского общества. Не новыми «лишенцами»

на манер 20-х годов, а полноправными участниками преобразований.

Я размышляю об этом не без тревоги. Конечно, общественная реакция на поведение партии понятна. Понятны декреты республик о приостановлении деятельности ее руководящих органов, об опечатывании их помещений. Но это только один шаг, самый простой. Если им ограничиться, не облегчит ли он положение необолевших, которые собирают симпатии в «низовом слое». И никто не может поручиться, что озлобленные и разбитые партократы не уйдут в новое подполье, благо есть для этого и деньги, и валюта, и заранее созданные «коммерческие» структуры, и, наконец, опыт КГБ. Лично я не думаю, что на это способны изнеженные боссы, которым подавай персональную «Волгу» для приезда на явку. Но опасность существует.

Есть и другая сторона дела: партии должны сами судить себя, как это сделал благородный и полубившийся всем нам Александр Руцкой. Его партия публично сказала об исторической вине коммунистов, то есть сделала то самое, что упорно не хотело делать последнее руководство КПСС.

Этого никак не хотел сделать Михаил Горбачев. С ужасом можно было слушать некоторые его ответы на пресс-конференции 22 августа, где он снова продолжал рассуждать об обновлении партии, о социалистическом выборе, сводить давнишние счеты с Эдуардом Шеварднадзе и Александром Яковлевым. А ведь эти люди не задумывались о взаимных обидах, когда уже 19 августа встали на защиту Горбачева.

Конечно, поведение Горбачева можно было объяснить: возможно, он тогда не успел еще узнать всего, что совершилось в эти дни. Но будем надеяться, что он поймет: в августе никто не думал о социалистическом выборе. Речь шла о выборе между жизнью и смертью, между свободой и рабством, честью и позором. Кажется, 24 августа он начал это понимать, уйдя с поста генсека и призвав ЦК КПСС к самороспуску.

Но, знаете ли, сегодня безразлично, последует ли ЦК партии этому призыву или нет. Партии больше нет. Конечно, может возникнуть новая партия. Не только под иным названием, но с иным содержанием, как одна из многих партий нового общества, которое только-только начинает рождаться. Здесь не надо обманывать, ибо еще сильны старые структуры, старый образ мыслей и поведения.

Страна пережила длинное Преображение. Оно должно настать для всех. И для коммунистов.

В ЛЮБОЙ ОБЛАСТИ СЕРВИСНЫХ УСЛУГ СУЩЕСТВУЕТ ОДНА ФИРМА, ВЫДЕЛЯЮЩАЯСЯ СРЕДИ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ НИЗКОЙ ЦЕНОЙ И ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ ПРОИЗВОДИМОЙ ПРОДУКЦИИ.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ЗАКАЗЧИКА — КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ НАЙТИ ТАКУЮ ФИРМУ, ИЗБЕЖАВ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПРОБ И ОШИБОК.

МЫ СПЕЦИАЛЬНО ПРИГЛАШАЕМ ВАС ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ ФИРМЫ «ЛИНИЯ-ГРАФИК»:

- визитные карточки,
- приглашения,
- фирменные бланки,
- этикетки,
- наклейки,
- рекламные проспекты

ТРАФАРЕТНЫМ СПОСОБОМ ПЕЧАТИ В КОРОТКИЕ СРОКИ И ПО НИЗКИМ ЦЕНАМ.

Справки по телефону: 351-96-55 с 12.00 до 17.00.

Где была армия?

Симон Кордонский

Нам нужно осознать, что у СССР нет армии. Есть отдельные части и соединения, есть офицеры и генералы, солдаты и матросы, есть боевая техника и оружие. Но армии нет...

На переходе от станции метро «Профсоюзная» к Черемушкинскому рынку строится замечательный жилой дом. Строители-солдаты — поодиночке и группами — выпрашивают у прохожих сигареты, деньги или просто чего-нибудь поесть... Подполковник со значком Академии Генерального штаба отправляет в почтовом отделении пачку переводов толщиной с палец и получает переводы — стопка бланков в два пальца. Отвечая на недоуменные взгляды очередников, он говорит, что участвует в игре-лотерее «Аппарель», а потом — в приватной беседе — рассказывает, что Генштаб, его Академия, а также многие высокопоставленные чиновники министерства обороны организовали эту игру под прикрытием какого-то общества афганцев и гребут деньги с дураков лопатой... Генерал Дудник — в отставке, строевой генерал Владимиров — автор прекрасных работ по современной стратегии, отстранены от дел, подполковник Юшенков на БМП организует охрану Белого дома на Краснопресненской набережной, генерал Лебедь переходит под юрисдикцию правительства России. Это не сон, это наша социалистическая реальность, в которой из колонны в сотню боевых машин при марше в 300 километров по прекрасному шоссе до цели доходит 60. Остальные — сломались. И это ведь не в песках Кувейта, а в Литве.

Множества Мандейброта

Есть такой интересный математический объект — множества Мандейброта, или фракталы. Элемент, изображающий такие множества, при увеличении в миллион раз, как и при сколь угодно мыслимом уменьшении, неотличим от исходного. Структура отношений в нем сохраняется при любых масштабных преобразованиях. В нашем государстве отношения между людьми, точно так же как во фракталах, не зависят от масштаба, от уровня иерархии.

Совдепия, Совок, Страна дураков — почти каждый гражданин этого государства определяет свою родину именно так, делая исключение для себя и своих единомышленников. В наших вооруженных силах устройство государства, его инвариантные свойства проступают с особой остротой из-за того, что они оформлены в уставах и не допускающей каких-либо толкований системе рангов и званий. Именно это устройство, позволяющее считать всех штафиок и вообще гражданских профанами, ничего не понимающими в военном деле, защищают Проханов, Карем Раш и прочие поэты советского военного искусства и мастерства.

Территориально-отраслевое устройство государства, при котором в каждом пересечении региона с отраслью находится парткомитет КПСС, доведено в армии до абсурда. Члены военного совета округа одновременно являются членами бюро территориальных парткомитетов, а первые секретари парткомитетов — членами военных советов округов. Ни одно решение и ни один приказ не может быть отдан без согласования с органами политического управления, с пресловутым Главпуrom, существовавшим, в свою очередь, на правах отдела ЦК КПСС. И в дополнение ко всему этому абсурду, превратившему армию в подразделение партаппарата, существуют еще и партийные организации, обладающие правом карать и миловать, проводить собственные расследования и собственную политику. Армейские подразделения дислоцированы в определенных регионах. А регионы в нашей стране ранжированы по своей важности: существуют внекатегорные города, такие, как Москва, и области и республики первой, второй, третьей и четвертой категорий. Примерно так же, как и регионы, ранжированы роды войск и военные округа. Существуют войска первой, второй, третьей и четвертой категорий, существуют общевойсковые и пограничные округа, округа ПВО.

Ранжирование родов войск и террито-

рий, на которых части дислоцированы, в сочетании с общей территориально-отраслевой партийной структурой командования порождает совершенно невообразимую путаницу, в которой действительно может разобраться только тот, кто на своей собственной шкуре испытал армейскую жизнь и, пройдя все унижения и оскорбления при продвижении по служебной лестнице, теперь не допускает и мысли о том, что кто-то, кого не били и не насиловали, может рассуждать об армии. Люди, которые прошли через ад, естественно, со снисхождением и презрением относятся к тем, кто его миновал.

Структура вооружений армии во многом определяется тем, насколько конструкторы военной техники входят в кабинеты партийной власти, а также той многолетней дезинформационной игрой, которую вели спецслужбы НАТО, заставляя наших стратегов ставить на вооружение заведомо бесперспективные типы оружия. Положение с информационным обеспечением вооруженных сил просто катастрофическое и делает невозможным их активные действия в условиях электронной войны.

Питание солдат и офицеров ниже всякой критики. Посмешищем для всего мира стало действо, устроенное незадолго до переворота на Дальнем Востоке: на глазах высокого гостя — председателя объединенного Комитета начальников штабов армии США генерала Пау-

элла солдат кормили тушенкой, полученной в порядке милостыни из списанных запасов бундесвера. Кстат, предназначенных вовсе не для армии, а для гражданского населения, для голодных и больных.

Генеральское экономическое пространство

В этой феноменально запутанной системе невозможно было жить. И для того, чтобы жить и выживать, сложилась своеобразная структура обменных отношений, заменяющая те институты, которые в сообществах, не испытавших революционных преобразований, называются рынком. В социалистической государственной системе обменные отношения обеспечивали выживаемость отраслей, регионов, предприятий, организаций, отдельных граждан, приобретая разные формы — от обычного производственного воровства до теневой экономики и организованной преступности. Аппарат КПСС, который был интегрирующим элементом всего государственного устройства, стал и концентратом обменных отношений. Именно через него заключались все сделки, обмены, торговля, все то, что сейчас называется красивым иностранным словом «бартер».

В гражданской жизни обменные отношения как-то контролировались, ведь они совершались хоть на каком-то, но виду. В армии из-за се-

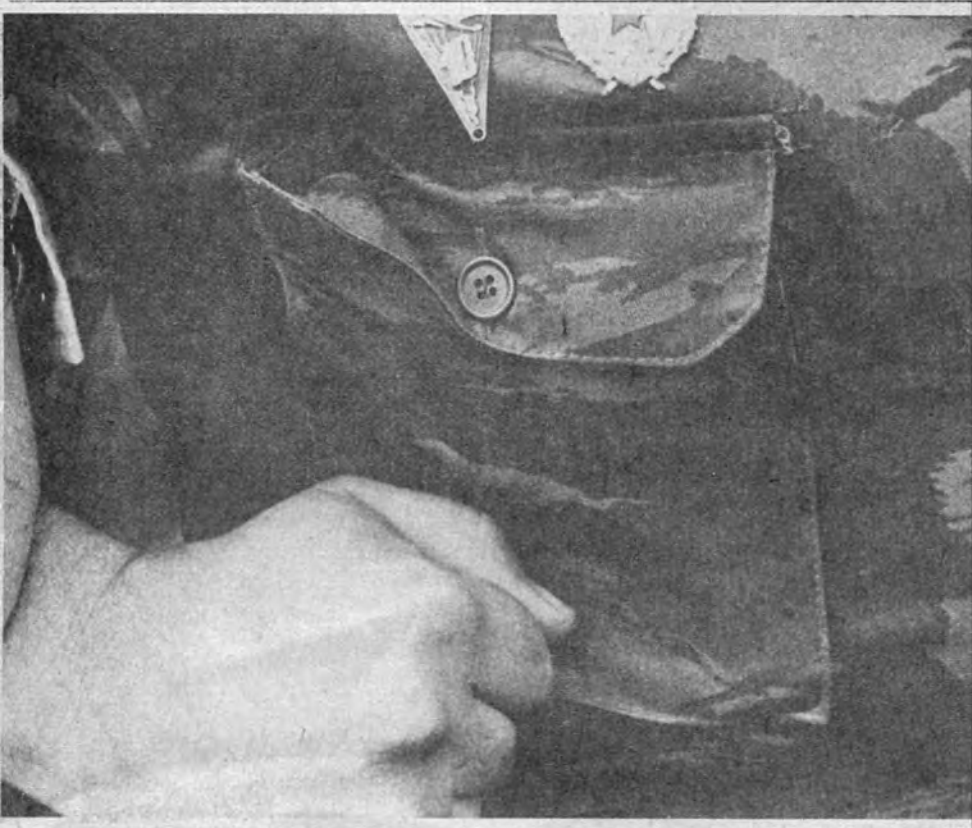
закрытости обменные отношения практически не контролируются и фактически вся армейская жизнь превратилась в цепь обменов, взаимозависимостей, сбора компроматов друг на друга. Именно обмены обеспечивают минимальную боеспособность частей и подразделений почти всех видов вооруженных сил. Естественно, на обменных отношениях наживаются многие их участники, причем степень обогащения напрямую зависит от звания и должности военачальников. Начавшаяся кампания по расследованию источников более чем высокого личного благосостояния маршалов и генералов была для них, наверное, очень сильным стимулом неудачной попытки вернуть социалистическую историю на круги своя.

Сочетание жесткой формальной структуры, партийной в своей основе, с одной стороны, и расцвет обменных отношений — с другой, дают любому военному служащему особую свободу, возможность в каждой из конкретной ситуации вести себя вовсе не так, как следует вести по уставу или приказу, а так, как представляется ему выгодным — исходя из своего положения в системе обменных отношений в партийно-должностной иерархии. Именно эта свобода с криминальным оттенком была основой того, что высшие военачальники страны решились на государственный переворот. И именно эта свобода стала причиной неудачи попытки переворота, так как подчиненные высшему генералитету офицеры и генералы повели себя по обстоятельствам, согласно своему политическому чутью, ориентациям и инстинкту самосохранения.

Попытка военного переворота была, с моей точки зрения, связана и со стремлением сохранить то экономическое и политическое пространство, в котором вооруженные силы СССР только и могут существовать, — партийное руководство и обменные отношения. Неудача переворота показала, что вооруженные силы СССР не способны ни на что.

Без партийного цемента?

Система военного строительства неизмеримо сложна и неповоротлива и совершенно непригодна для решения собственно боевых задач. Мышление военных теоретиков находится на теперь уже пещерном уровне второй мировой войны. Казус с критикой первого тома «Истории второй мировой войны», с отстранением генерала Волкогонова от ее редактирования показал направленность интересов военных теоретиков. Поражение обученных в наших военных академиях и вооруженных нашим оружием иракских экстремистов привело этих теоре-

тиков к мысли, что во всем виноват «человеческий фактор» и что если бы в войсках Хусейна была должным образом налажена политраба, то американцы в конечном счете оказались бы с носом.

За последние годы территориально-отраслевое устройство государства в целом из-за отлучения КПСС от ее руководящей роли быстро деградирует. Теперь уже ясно, что СССР в прежнем его виде не существует и существовать не будет. Каким бы ни был Союзный договор, отношения между входящими в него республиками будут принципиально иными, нежели то, чем они являются сейчас. Вопрос о руководящей роли КПСС решен в последние дни окончательно. И, надо надеяться, навсегда. Вооруженные силы страны без скрепляющего партийного цемента грозят распасться на не способные к самостоятельному существованию фрагменты. Возможное ассоциативное членство Польши, Чехословакии, Венгрии в организации Североатлантического договора, образование отделившимися от СССР и присоединившимися к ЕС прибалтийскими государствами своего рода санитарного кордона на западной границе, рост мусульманского фундаментализма и очевидное тяготение национально-патриотических движений в среднеазиатских республиках к Ираку, Ирану, Пакистану, вовсе не исключенная возможность осложнения отношений с Китаем создают принципиально новую геополитическую ситуацию. И России, вернее, тому, что остается от СССР, просто необходимо иметь нормальную, боеготовую в условиях технотронной войны армию.

Нам нужно осознать, что у СССР нет армии. В ней есть отдельные части и соединения, есть военнотрудовые разных политических ориентаций, есть офицеры и генералы, испытывавшие горечь поражения в Афгане, есть солдаты и матросы, прошедшие лагерную по своей природе школу армейской жизни, есть какая-то боевая техника и оружие массового поражения. Все это расположено на территориях, конфликтующих друг с другом из-за топлива, продовольствия, из-за неадекватных административных границ. И из всего этого нам — гражданам нового государства — необходимо будет создать настоящую армию, способную защитить страну от внешнего врага и принципиально нейтральную по отношению к тому, какую политическую и идеологическую окраску принимают конфликты внутри страны и общества.

«Мы будем стрелять и давить»

Этими словами встретил командир головного полка Болградской дивизии делегацию Моссовета на Минском шоссе

Когда члены штаба Моссовета по чрезвычайным ситуациям предложили подполковнику Прутченко ознакомиться с указом президента России о незаконности решений ГКЧП, тот скромно его и бросил им в лицо.

Солдаты, пригнанные на танках и БМП в Москву, в большинстве своем ничего не знали о сути происшедшего. И вместе с офицерами свое появление в городе объясняли лишь одним — приказом вышестоящего начальства. В первый день путча ошарашенный от облепивших БТР демонстрантов на Манежной площади майор потрясал пустым «магазином» своего пистолета и клялся, что армия не получила приказ стрелять в москвичей. Приказа действительно не поступило, но у тех, кто его мог отдать, не было сомнений: он будет выполнен. Десятилетиями отработывалась система воспитания послушного солдата-исполнителя, которому запрещалось мыслить и рассуждать.

На следующий день, после того как угас военный путч, «НВ» встретилось с членами Координационного совета движения «Военные за демократию». Многие из них в разное время были изгнаны из рядов Вооруженных Сил за выход из КПСС или просто за демократические взгляды. Вопрос был один: почему армия безропотно пошла за путчистами и была готова в случае необходимости «стрелять и давить»?

«Во всем цивилизованном мире, — говорит подполковник юстиции Анатолий Пчелинцев, — существуют правовые гарантии от выполнения военнотрудовыми антиконституционного приказа». В присяге, которую дает, например, американский солдат, предусмотрена взаимная ответственность за выполнение незаконного приказа. То есть американец-солдат имеет право не выполнить преступный приказ и обратиться к инспектору, не зависящему от министра обороны. Он

может быть уверен, что не подвергнется за это наказанию, а его сигнал будет доведен до сведения генерального инспектора и высшего военного руководства.

Нечто подобное существовало и в России. Указ Петра I от 1724 года освобождал солдат от выполнения преступного приказа, то есть приказа, направленного против легитимной власти, царской семьи. Солдат имел право доложить об отданном ему преступном распоряжении вышестоящему начальству, обер-прокурору и самому Государю императору. После Октябрьского вооруженного переворота в уставах Красной Армии 1919, 1920 и 1925 годов сохранялась формулировка: преступный приказ исполнению не подлежит.

Но строительство тоталитарного режима требовало беспрекословного выполнения, в том числе и армией, указаний высшего руководства страны. В статье № 7 дисциплинарного устава 1940 года было уже записано: любой приказ подлежит исполнению. Командир мог добиваться исполнения своего распоряжения, даже применяя оружие.

Когда после войны судили нацистских преступников, по инициативе Советского Союза был разработан устав Международного военного трибунала, в статьях которого подчеркивается: приказ, направленный против мира и человечности, а также против законного правительства, не подлежит исполнению. Однако эта формулировка так и не появилась в советских документах. В дисциплинарном уставе Вооруженных Сил СССР говорится: «Приказ начальника — закон для подчиненного. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок».

«В тексте военной присяги нет настоящей формы клятвы верности народу и Отечеству, — считает генерал-майор запаса Владимир Дудник. — Вместо этого мы присягаем на верность министру. Как иначе трактовать пункт присяги: «Я обязуюсь выполнять все

приказы командиров и начальников?»

Полковник запаса Виктор Кузнецов вспомнил фразу из разговора с генерал-лейтенантом А. Ситниковым, начальником политотдела Военно-политической академии имени В.И. Ленина: «Мы должны воспитывать уважение к власти, даже фашисты воспитывали уважение к власти... Что же, мы хуже фашистов?» Причем власть имелась в виду скорее политическая, партийная, нежели государственная.

Для контроля за командирами, то есть для управления армией со стороны партии, еще в годы гражданской войны был введен институт комиссаров, которые руководствовались не законами, а партийными установками. «Политорганы в армии были и остаются не чем иным, как ого-

сударственной партийной властью, органами политического насилия и подавления, надзора и сыска», — считает полковник запаса Виталий Ковалевский. В армии 1,1 миллиона коммунистов, которые состоят в 37 тысячах партийных организаций!

После подписанного Президентом СССР в январе нынешнего года «Указа об утверждении общего положения в военно-политических органах» и в ходе произошедшей реформы политорганов было определено, что теперь политработники будут заниматься «воспитанием военнослужащих в духе преданности политике государства». Ответственность за это воспитание возлагалась на ставшего первым заместителем министра обороны СССР начальника Главного военно-политического управления (ГВПУ) генерал-полковника Николая Шлягу. Однако по сути мало что изменилось: ГВПУ и всероссийский комитет КПСС были близнецами-братьями.

За неделю до переворота на Всесоюзном съезде секретарей парторганизаций Вооруженных Сил СССР звучали клятвы преданности Президенту СССР. О том же за несколько дней до путча заявили руководители Всесоюзного комитета КПСС. Но сразу после переворота по партийным организациям Вооруженных Сил пошло распоряжение: проводить работу по мобилизации коммунистов на выполнение решений ГКЧП.

Приказа стрелять не было, но генералы не сомневались: солдаты выполняют его

«Во время путча проявились все болезни нашей армии, — говорит генерал-лейтенант запаса Владимир Андреев. — Главная из них: обман политорганами народа. Потому что служат они не народу и Отечеству, а интересам коммунистической партии. Вспомните, после Октябрьского переворота 1917 года большинство генералов русской армии остались верными царю и Отечеству, а в августе 1991 года советские генералы в первый же день побежали к новой хунте. Таково было воспитание системы, которая держала людей при должностях и кормушках».

«Механизм укрепления партийного влияния в армии был четко отлажен, — комментирует полковник запаса Юрий Дерюгин. — Политработника из дивизии в звании полковника или подполковника назначали в ЦК КПСС, где он проходил политическую и идеологическую подготовку и обработку. Формировался убежденный партийный функционер. Затем его возвращали в армию и сажали в политорганы на кадры, в разведку, военный трибунал, главную военную коллегия, военную прокуратуру. Таким образом в руках партийных функционеров сосредоточивалась правовая, политическая и военная власть. Так формировалась и мощная военнопартийная элита, подбиравшая себе

подобных, сплоченная по духу, манере поведения, идеям и языку».

Когда начинают стреляться маршалы, общество прозревает. Теперь наконец всерьез занялись созданием надежного механизма гражданского контроля за вооруженными силами.

Среди первоочередных задач, с точки зрения Юрия Дерюгина, «необходимо четко разграничить функции министерства обороны, на которое возлагалась бы административная роль, и генерального штаба, занимающегося оперативным, стратегическим планированием. Министром обороны должен стать гражданский человек. Недавно воссозданные офицерские собрания должны превратиться в демократические органы самоуправления. Создать и солдатское собрание. Обеспечить правовую защищенность солдат. Вместо упраздненных политорганов в армии должны быть созданы три службы: военно-юридическая, социально-психологическая и рекреационная. Должен быть введен и религиозный час для верующих, видимо, пришла пора военных капелланов».

И еще. Пришла, по-моему, пора снять с парламентариев погоны или, если дорога военная карьера, сложить с себя депутатские полномочия...

Константин Исаков

Третий Союз

Старый Союз канул в Лету, но и тому, который должен был родиться 20 августа, тоже не бывать. СССР уже никогда не будет тем, чем он был...

Марина Шакина

В знаменитом романе Ильфа и Петрова есть мимолетный персонаж, очерченный буквально двумя словами — некий гражданин, который признал советскую власть чуть позже Англич и чуть раньше Греции. Этакий емкий образ — осторожный обыватель, приспособленец, озабоченный лишь собственным, пусть и жалким благополучием. Мне приходит на ум этот гражданин, когда я пытаюсь описать реакцию союзных республик на переворот.

«Послабление для республик»...

Борис Ельцин и другие руководители России сделали свой выбор через два часа после объявления по радио о создании ГКЧП. Помню нетерпеливое ожидание, охватившее всех: сейчас республики скажут свое слово, и путчисты поймут, как жестоко просчитались. Прежде всего, конечно, Украина и Казахстан. Кравчук и Назарбаев. Умница Назарбаев, третий по популярности и авторитету политик страны после Горбачева и Ельцина. Но час проходил за часом, и ничего похожего на заявление российского руководства не последовало ни с Украины, ни из Казахстана. Смысл поступивших из этих республик сообщений сводился к тому, что лидеры республик выступили с обращением, в котором говорилось: чрезвычайное положение не вводится, в республике сохраняется нормальный рабочий ритм и спокойная обстановка.

Большинство лидеров республик заняли выжидательную позицию. Антиконтитуционный переворот назвали антиконтитуционным переворотом три прибалтийские республики и Молдова, а одна республика — та, что готовилась заключить со дня на день Союзный договор, Азербайджан — приветствовала комитет восьми.

В те дни о своей поддержке российскому руководству заявили ряд иностранных государств, в том числе США и Великобритания, но Ельцину и его соратникам важнее было почувствовать локоть других государств: самых крупных и самых близких республик будущего нового

Союза — Украины, Белоруссии, Казахстана.

В дни путча лидеры республик, как и все основные действующие лица событий, оказались перед выбором. На одной чаше весов — спокойствие своей республики, ответственность за жизни ее граждан, на другой — добрые отношения с Россией и приверженность демократии и закону. Республики пытались выбрать и то и другое. А может быть, ни то ни другое — так могло получиться на деле? Если бы удалось заставить Россию, то даже простаку стало бы ясно, что вот-вот подойдет очередь республик. Лидеры надеялись на свое мастерство политического маневрирования? Пока потянем время, а там видно будет... Стоит ли упрекать остальных за то, что только Ельцин смог найти правильное решение, а они приняли позицию «наше дело — сторона»? Ведь тоже, вроде бы, остались не внакладе — осознаний счастья избежали, с запозданием, когда дело уже было, в общем, решено, победа осталась за Ельциным, вмешались, повлели на восьмерку и, очевидно, внесли свою лепту в то, что хунта так и не решилась на штурм Белого дома, не осмелилась устроить кровопролитие.

Утром 19 августа, приняв обращение, в котором ГКЧП назывался антиконституционным органом, Ельцин дал пресс-конференцию. С минуты на минуту такое же заявление готовится сделать Кравчук, заявил он. К вечеру 20-го, когда обстановка вокруг Дома Советов сгустилась, ожидали штурма, Ельцин выступил по радио, вещавшему из Белого дома. Его слова звучали горько, но спокойно: республики молчат, им обещаны послабления, кирзовый сапог диктатуры занесен только над Россией...

Так это выглядело, хотя, конечно же, действительность была много сложнее. На встрече с парламентариями Горбачев, например, сказал, что генерал Варенников, приехавший к нему в Крым в составе четырех посланцев ГКЧП, чтобы требовать «отречения от престола», после этого сразу

направился в Киев к Кравчуку. Грозить? Договариваться? Несомненно, на республики оказывалось давление, но не военное, войска ввели только в Прибалтику, столицы и промышленные города России. Но республики все равно сочли за благо до поры до времени не играть с огнем.

«Девятка» и «шестерка»

Действительность была много сложнее еще и потому, что в самих республиках не было единства в молчании. Кто поддержал ясно и однозначно позицию Ельцина? Лидеры не «девятки», готовящейся подписать Союзный договор, а как раз лидеры «шестерки» — кто хочет остаться вне рамок Союза. И то не все. Безмолвствовал «жуткий» демократ Звиад Гамсахурдия, туманно высказался Левон Тер-Петросян. Если учесть, что за спиной путчистов стояла КПСС, то республикам Средней Азии и тому же Казахстану, где позиции местных коммунистов довольно стабильны, почти ничего не угрожало — даже в случае победы ГКЧП они сумели бы с ним если не договориться, то ужиться. А на Украине, где компартия борется за влияние на умы в острой конкуренции с «Рухом», все оказалось сложнее...

На Украине парламентская оппозиция сразу же заявила о своем неприятии ГКЧП, но она составляет в Верховном Совете меньшинство. Заместитель Председателя Верховного Совета Украины Владимир Гринев прямо в день переворота заявил о том, что считает хунту незаконной.

«Попытку выждать, которую предпринял Президиум Верховного Совета Украины, я расцениваю как политическую ошибку. Президиум заседал два дня и принял чрезвычайно уклончивое решение, в котором говорилось, что решения ГКЧП не имеют силы на Украине. Эта официальная позиция выглядела весьма непочтенно. Только к концу дня 21-го Кравчук в разговоре с Лукьяновым заявил, что не поддерживает комитет, и потребовал возврата Горбачева», — рассказывал нам Владимир Гринев.

Отказался признать путчистов «Рух». Послал Ельцину телеграмму со словами поддержки лидер Западной Украины Владимир Чорновил. Поведение украинских политиков в эти дни сильно повлияло на их рейтинг популярности,

Солдаты покидают каунасский телецентр. Командующий Прибалтийского военного округа отныне не будет вмешиваться в дела независимой Литвы...

и результаты президентских выборов в республике, скорее всего, будут не такими, как ожидалось до 19 августа.

Выжидательная позиция, занятая в ходе переворота, будет стоить постов многим руководителям республик из числа тех, кто пришел к власти или остался у нее при поддержке КПСС, — уже ушел в отставку Дементей, тучи сгущаются над Кравчуком, Муталибовым, руководителем Татарстана Шаймиевым.

Сильный слабый центр

Провалившийся переворот обострил внутривнутриполитическую обстановку во всех республиках — возобновились трения между властью и оппозицией, накалились межнациональные отношения. Всех заново разделила реакция на ГКЧП. Самым тяжелым последствием переворота было то, что практически все русскоязычное население Прибалтики и Молдовы с готовностью подчинилось решениям ГКЧП. Ответные меры не заставили себя ждать. Эти республики ушли из Союза и не вернутся никогда. Уничтожены партийные структуры — источник параллельной власти в республиках. Командование Прибалтийского военного округа больше никогда не будет вмешиваться во внутренние дела Литвы, Латвии, Эстонии. В Эстонии отстранены от работы дирек-

тора союзных предприятий, они же лидеры «Интерфронта». В Молдове правительство взяло жесткий курс по отношению к Приднестровью и Гагаузии.

Русские в других республиках давно оказались между молотом и наковальней. Они хотели чувствовать себя в республиках, выбравших путь национального возрождения, дома, а не в гостях. Они хотели просто, чтоб остался Союз — тот, который был. Они не одобряли политику Ельцина, они считали, что их предали, а в ГКЧП увидели спасение. Российскому руководству теперь предстоит срочно найти удовлетворительное решение проблем русских вне России, ибо в противном случае русскоязычное население так и будет «пятой колонной», опорой для диктаторских поползновений. В этом должны быть заинтересованы и сами республики, если они не хотят иметь у себя постоянный очаг напряженности и осложнений с соседом — Россией.

Сегодня лидеры России вдохновенно находят безошибочные решения и совершают безошибочные шаги. Они должны помочь русскоязычным населением республик, ведь в том, что Тирасполь, Нарва, Шальчининкай признали путчистов, есть доля их вины, их недоработка.

Старого Союза нет, но и тому, который должен был родиться 20 августа, тоже не бывать. Выступая

на митинге победителей, Ельцин сказал, что необходимо форсировать подписание Союзного договора, хотя пару статей и придется пересмотреть. Республики, выжидавшие три дня, действуют энергично — срочно заявляют о своей независимости, национальные компартии выходят из состава КПСС, отправляются в отставку руководители местных КГБ, лихорадочно департизируются государственные структуры. Путчисты хотели сохранить Союз, а лишь усилили объективные дезинтеграционные тенденции. Ново-огаревский проект, судя по всему, будет подвергнут радикальной переработке, права центра будут сведены до минимума.

«Путч несомненно отразится на Союзном договоре и его логике. Я поддерживаю схему «слабый центр — силь-

ные республики». Союз должен быть достаточно слабым, чтобы не стать опасным для мира и для себя самого, и в то же время достаточно сильным, чтобы уметь обороняться и представлять вовеки некую единую сущность. Он должен быть сильным для обороны и слабым для нападения. Я вижу только один путь — конфедерация» — таково мнение ведущего политика Украины Владимира Гринёва.

Пожалуй, в качестве краткосрочного прогноза можно предсказать следующее: центр политических бурь перенесется в республики, которые какое-то время будут заняты собой и своими проблемами, причем главные события, по мнению многих политологов, развернутся на Украине. Какое-то время будут продолжаться шок и реакция на переворот — заявления о независимости, взаимное признание независимости, разрушение партийных структур, бывших во многом раньше основой Союза, переосмысление межреспубликанских отношений, смена лидеров. Затем в развитии событий властью вторгнется имеющий свою логику экономический процесс, который, очевидно, скорректирует представления республик о том, как и с кем им следует идти дальше. И сейчас трудно предсказать, во что выльется идея Союзного договора — в конфедерацию, в Содружество или во что-то иное, слово для чего пока еще не найдено.

Три дня, изменившие мир

Вся Америка с восхищением и с надеждой следила за прямыми репортажами с Краснопресненской набережной, показывавшими выступления Бориса Ельцина, борцов за свободу, окруживших здание российского парламента. Вся Америка приветствует победу демократии в Советском Союзе и восстановление законной власти.

Разморожены все приостановленные проекты зерновых кредитов, технического содействия, вновь запущен механизм ратификации американско-советского торгового соглашения. Отношения между Вашингтоном и Москвой вернулись в нормальное русло.

Американцы ожидают, что теперь Советский Союз наконец двинется по пути реформ с ускорением, — об этом счел нужным сказать и Буш. По его мнению, дорога теперь открыта: реакционеры удалены с политической арены.

Об уроках государственного переворота, о том, как он изменил американско-советские отношения и мировую политику, я беседовал с бывшим помощником президента США по национальной безопасности Збигневом Бжезинским и директором Института проблем безопасности Востока и Запада Джоном Мрозом, к мнению которого о Советском Союзе и Восточной Европе прислушиваются в Вашингтоне.

Збигнев Бжезинский. Я очень рад. Самое большое впечатление на меня произвело появление нового молодого поколения, преданного демократии. В первый же день переворота люди не побоялись, встав перед телекамерами, назвать свои фамилии и осудить путчистов.

«Новое время». Какие уроки можно извлечь из этих трагических событий?

З.Б. Главный урок — демократизация общества в вашей стране должна проводиться решительнее, глубже и в более широких масшта-

бах. Сейчас, когда реакционные силы в КПСС, КГБ и отжившие свой век генералы потерпели поражение и дискредитированы, появилась уникальная возможность разработать и осуществить программу демократической трансформации страны. Я имею в виду народовластие, признание права на самоопределение республик, желающих стать независимыми, децентрализацию, приватизацию и демилитаризацию общества.

«НВ». Можно ли сказать, что Советский Союз прошел испытание на демократию?

З.Б. Конечно. Приверженность демократии многих советских людей вызывает огромные симпатии.

«НВ». В прошлом в глазах американцев Россия нередко ассоциировалась с тоталитаризмом и шовинизмом. На этот раз именно Российская республика сыграла ведущую роль в нанесении поражения попытке установить диктатуру...

З.Б. Это одна из самых славных страниц в многовековой истории России. Вместо угнетения она дала свободу не только себе, но и другим

З.Бжезинский: приверженность демократии вызывает симпатии

народам Советского Союза. Россия имеет все основания гордиться этим.

«НВ». В эти дни вы сказали, что в советской политике началась эра Ельцина...

З.Б. Полагаю, что Ельцин стал ключевой политической фигурой в Москве. Он сыграл решающую роль в подавлении переворота, он является избранным путем всеобщего голосования государственным лидером. Его программа радикальных реформ должна осуществляться советским руководством решительно и последовательно. У Горбачева теперь нет предлогов для колебаний и компромиссов из-за давления со стороны консерваторов.

«НВ». Какую роль сыграли Соединенные Штаты и Запад в целом во время кризиса в Советском Союзе?

З.Б. Наша роль была ответственной и в определенной степени эффективной. Но переворот был подавлен благодаря мужеству Ельцина, смелости молодежи, студентов, интеллигенции, рабочих, которых путчисты не смогли запугать угрозой кровопролития и которые готовы были пожертвовать собой во имя демократии.

«НВ». Какое влияние окажут последние события на отношения между США и Советским Союзом?

З.Б. Ваша страна получила возможность осуществить программу демократической трансформации общества. Долг Запада — стать партнером Советского Союза в этом.

С Джоном Мрозом мы встретились в его кабинете, уставленном книгами и сувенирами из Советского Союза.

«НВ». Президент Буш заявил, что теперь американско-советские отношения укрепятся...

Дж.М. Для отношений между нашими странами очень важно, что последние события вызвали у американцев, как и во всем мире, большой прилив симпатий — и к Ельцину, и к советским людям, которые оказали мужественное сопротивление путчистам. Изменился взгляд на глубинную сущность характера советских людей, прежде всего русской души. Американцы плохо представляли вашу страну, ваших людей, ваши проблемы. Теперь они относятся к Советскому Союзу со значительно большим пониманием

и теплотой, а в результате этого политика США в отношении СССР станет более отзывчивой. Ваша страна получает возможность более быстрой интеграции в мировую экономику, где она должна занять подготавливаемое ей место.

«НВ». Изменится ли подход США к оказанию экономической и технической помощи Советскому Союзу?

Дж.М. Я думаю, что мы должны занять более позитивную позицию по многим вопросам. К примеру, в отношении создания стабилизационного фонда для обеспечения конвертируемости рубля. Я придавал и придаю большое значение оказанию технической, экспертной помощи. Советский Союз — богатая человеческими и сырьевыми ресурсами страна. Надо только с умом ими распорядиться. Запад многому в экономике может вас научить, в том числе и на своих грубейших ошибках, которые надо избежать. Возьмем центральный банк. Это не капиталистическая и не социалистическая идея. Любая страна имеет центральный банк, а вот, чтобы в одной стране было десять банков, мне трудно представить. Опыт показывает, что это просто нежизнеспособная система. Ваша страна не может и не должна копировать кого-либо, но нельзя игнорировать и опыт других.

«НВ». По моим наблюдениям, сейчас сильно возросли ожидания, что Советский Союз резко сократит военные расходы, прекратит помощь Кубе...

Дж.М. Да, это так. Думаю, что такой шаг со стороны Советского Союза помог бы и нам урезать военный бюджет основательнее, чем это сейчас предусматривается.

«НВ». Как вам видится сейчас будущее Советского Союза?

Дж.М. В данный момент еще остается много неясностей. Каково теперь отношение республик к будущему Союзу, не потребуют ли они дальнейшего изменения проекта Союзного договора, который должен был быть подписан во вторник?

«НВ». По сообщениям американской печати, российский президент уже поставил вопрос о дополнительных полномочиях республикам.

Дж.М. На мой взгляд, это одно из неизбежных последствий событий последних дней. Процесс децентрализации или даже дезинтеграции Союза, видимо, ускорится. Главный вопрос состоит в том, насколько далеко он пойдет, прежде чем начнется обратный процесс — интеграция на новой основе.

«НВ». Прежде чем объединиться, надо разъединиться?

Дж.М. Такова естественная динамика нынешних событий.

«НВ». Каково сейчас отношение в Америке к будущему Союзу?

Дж.М. Мы по-прежнему не явля-

емся сторонниками развала Советского Союза. Мы уважаем волю республик и их суверенитет, но не подталкиваем их к выходу.

Мы хотим, чтобы Советский Союз был стабильным, процветающим демократическим государством. Такой Советский Союз отвечает нашим национальным интересам: ведь, как показала история, демократические государства почти никогда не воевали друг с другом. США сделают все, что в их силах, чтобы помочь превращению СССР

в такое государство. Но ваше будущее, будущее Союза находится в ваших руках. Его определяют сами советские люди.

Американцы считают, что благодаря переменам в СССР изменится и вся мировая политика. А это означает признание мировой роли России — независимо от того, сохранится ли Союз или нет.

Евгений Русаков,
соб. корр. «Нового времени»
НЬЮ-ЙОРК

Демократию не задушить

Политика реформ, начатая Президентом Горбачевым, вселила надежду всему миру. И когда совершился переворот, мы с самой серьезной тревогой задавались вопросом: не будут ли утрачены эти достижения? — сказал в беседе с корреспондентом «НВ» премьер-министр и лидер Социал-демократической рабочей партии Швеции Ингвар Карлссон.

Но так не должно быть. И так не произошло. Так не может случиться. Демократию, пустившую корни, уже нельзя надолго задушить.

Советский народ, как и другие народы, желает сам в обстановке свободы и демократии формировать свое будущее. Такому развитию мы в Швеции окажем любую посильную поддержку. Советские люди

после пережитых лишений заслужили право на свободную и демократичную жизнь.

Но происшедшее показывает, что свободу и демократию надо постоянно защищать. Борьба за их защиту является нашим общим делом. Для нас в Швеции важно продемонстрировать, что мы стоим на стороне свободолюбивых сил. Наша поддержка была и остается на стороне демократически избранных руководителей, президентов и парламентариев в России, в Прибалтике, в других республиках. Ныне весь мир несет ответственность за оказание помощи социальному и экономическому развитию в Советском Союзе. Сегодня колебания неуместны.

Александр Полюхов,
соб. корр. «Нового времени»
СТОКГОЛЬМ

Скажи мне, кто...

Ясир АРАФАТ, Председатель Исполкома Организации освобождения Палестины ООП считает, что свержение Горбачева поможет решить те трагические проблемы, с которыми сталкивается Советский Союз. ООП считает, что теперь СССР будет играть новую роль на Ближнем Востоке, активно поддерживая решения палестинской проблемы и оказывая давление на Израиль.

Полковник Муамар КАДДАФИ, руководитель ливийской революции, глава Социалистической Народной Ливийской Арабской Демократии. Мы рады поздравить вас с вашим смелым историческим деянием! Оно, мы надеемся, выведет СССР из смертельного кризиса, в который он ввергнут в результате широкомасштабного империалистического заговора, направленного не только против Советского Союза, но и против всех народов мира. Да здравствует революционная борьба во имя свободы, социализма и мира.

Саддам ХУСЕЙН, председатель Совета революционного командования, президент Иракской республики, верховный главнокомандующий вооруженными силами, генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения. Мы приветствуем переворот.

Будапешт,

Когда год назад писатель, драматург и переводчик Арпад Гёнци стал президентом Венгерской Республики, многие задавали вопрос: чем заслужил этот высший государственный пост человек, чье имя, общественную и литературную деятельность знал до этого лишь сравнительно узкий круг людей. Западная пресса даже усматривала в этом подтверждение универсальности «феномена Гавела» в новых восточноевропейских условиях, а кое-кто из венгерских наблюдателей относил избрание Гёнца на счет закулисных сделок партий и парламентских фракций, предрекая президенту-литератору роль политического статиста.

Истекающий год многое поставил на свои места. Умение подняться над межпартийными распрями, политической конъюнктурой, способность видеть и представлять общенациональные интересы сделали Арпада Гёнца одним из самых авторитетных руководителей сегодняшней Венгрии.

Человек нелегкой судьбы — ее основные вехи видны в публикуемых воспоминаниях — А. Гёнци обращается к истории не для того, чтобы возвеличить свое мужество и прозорливость, но ради того, чтобы извлечь уроки из непростого, нередко трагического исторического опыта своей страны. Уроки, полезные не только венграм.

Воспоминания о 1956 годе — в том числе самые личные — начинаются у меня со времен довольно отдаленных. «Революцию» (так обычно мы сами называем тогдашние события), «контрреволюцию» (это оценка противоположной стороны), «восстание» (как квалифицируют осень 1956 года на Западе) или «борьбу за свободу» (таково мнение венгерских эмигрантов) не понять, если не заглянуть в прошлое.

Арпад Гёнци

Заглянуть не в 1849 год, когда Венгрия впервые серьезно попыталась освободиться от феодальных пут, обрести национальную самостоятельность, чтобы заложить в своей — теперь уже суверенной — стране основы гражданского общества (чему, как известно, помешала царская армия, пришедшая на помощь Габсбургам), а в год 1944-й. Вернее говоря, в период окончания второй мировой войны, а еще точнее — во время штурма Будапешта, когда немецкая армия и несколько деморализованных, полуразвалившихся венгерских подразделений отчаянно обороняли столицу: она была последним крупным препятствием на пути неудержимого движения советских войск к австрийской границе...

Не Советский Союз объявил войну Венгрии, а венгерское правительство начало военные действия против Советского Союза. Советская Армия вступила на венгерскую территорию, преследуя немцев. Это неоспоримый исторический факт. Но неоспоримо и то, что большинство венгерского народа не поддерживало этой войны. Ее жертвы казались бессмысленными, чуждыми подлинным национальным интересам. Сталинград заставил многих венгров понять, что беспричинное вступление страны в войну было актом исторической безответственности. Это, конечно, не означало, что люди не трепетали перед «великим инородцем» — приближающейся Красной Армией (как трепетали бы перед любой другой армией), что они с распростертыми объятиями ожидали оккупацию, которая не могла не означать конца привычного образа жизни, государственного строя, традиционной системы ценностей.

1956....

Однако было в стране активное меньшинство антифашистов (к ним относились не только коммунисты), кто отчасти по мировоззренческим, а отчасти по практическим соображениям хотел как можно скорее положить конец самоубийственной войне, служившей интересам третьего рейха. Ради прекращения бессмысленного кровопролития они были готовы (независимо от решения своего правительства или даже вопреки ему) выступить с оружием против немцев. Среди них был и я — боец студенческого батальона Сопротивления, член антифашистской организации «Фронт свободы венгерских студентов», потенциального союзника Красной Армии. Потенциального потому, что на деле союз не получился. Хотя мы и перебросили через фронт связных, чтобы уговорить русских сигнальными ракетами указать нам место перехода к ним через линию фронта, сигнала никто не по-

дал. Я ползал с трофейным немецким пулеметом по нейтральной полосе, с трепетом ожидая встречи с первым киргизом (почему-то мне казалось, что это будет именно киргиз), которому, бог его знает как, я должен был бы объяснить, что не хочу в него стрелять. И только пять лет спустя от одного из оставшихся в живых связных я узнал, что на той стороне сначала их встретили объятиями, угостили водкой, а потом... отправили в сборный пункт военнопленных и угнали на Кавказ. Союз, как я уже сказал, не осуществился. Наверное, было вообще наивно рассчитывать на возможность такого союза в условиях ожесточенной войны.

Мы вынуждены были перейти через немецкую линию обороны в обратном направлении и по пути домой освободили собственными силами первую попавшуюся деревню. В бою с жандармами я был ранен. Мои боевые друзья, добравшись до

Будапешта, переправили меня по последнему не взорванному мосту через Дунай в родительский дом. В угольном подвале, с простреленной ногой, без документов, с пистолетом, в котором оставалось три патрона (последний я берег на случай крайней необходимости для себя), в сотне метров от восточной и западной линий фронта я ждал, кто обнаружит меня быстрее — охотящийся за дезертирами нилашистский патруль или русский солдат, которому за чем-то понадобится спуститься в подвал. Пришел русский. Пришел и, подталкивая автоматом, погнал меня в плен — молодой человек призывного возраста, к тому же раненый, я не сумел объяснить ему, что здесь, в подвале, ожидал именно его, своего «освободителя». Пришлось от него сбежать, как потом еще от трех других русских. Справедливости ради надо сказать, что в то время в Будапеште за бочку палочки можно было купить целый состав военнопленных. Возникший по этой причине дефицит военнопленных восполнялся за счет людей с улицы. Ни пол, ни возраст при этом не учитывались — нужно было выполнять план.

Армия, вошедшая в Будапешт ценой невероятных и непонятных для постороннего наблюдателя потерь, представляла собой причудливую смесь конницы образца XVII века (которая должна была сама себя прокармливать за счет захваченных территорий) и высокомеханизированных и вымученных гвардейских частей XX века. Не такого ждали напуганное население и доморожденные добровольные «союзники». Но именно эта армия оккупировала Венгрию, которая была поражена в кровавой, ненужной ей войне. Это и определило будущее отношений двух стран, двух народов на ближайшую перспективу.

В общем, ценой побегов мне удалось остаться дома. Естественно, хотелось попробовать себя в политической жизни. И в условиях политического вакуума и развала государственной машины это было несложно, тем более для участника Сопротивления, каковым был я. Правда, не в рамках коммунистической партии, а в рамках буржуазной Независимой партии мелких сельских хозяев, получившей абсолютное большинство на свободных парламентских выборах в коалиции антифашистских сил. И тут меня постигло, как человека, немалое удивление (а может, правильное сказание, разочарование). Мои бывшие союзники, молодые коммунисты, вместе с которыми я рисковал жизнью во имя свободной, независимой и новой демократической Венгрии, за неполных два года стали смотреть на меня, как на врага. Они были смелыми, честными людьми.

Мне было трудно понять причину изменений в наших отношениях. Как впоследствии и причину того, почему из этих восторженных, в основном рабочих и крестьянских парней выросли хладнокровные подручные власти, запуганные жертвы или, наоборот, циничные судьи на сфабрикованных судебных процессах, а из оставшихся в живых — коррумпированные, гоняющиеся за материальным благополучием буржуа. Но, как бы там ни было, после захвата власти коммунистами — что само по себе не было безболезненным процессом — людям моего склада нужно было понять, что все, за что мы вместе боролись, стало недействительным (если не на словах, то на деле), и даже сама причастность к той борьбе превратилась для меня в источник опасности. В 1948–1953 годах слова были возвращены наизнанку: освобождение стало означать длившуюся уже довольно долго оккупацию, революция и демократия — командно-административное управление, земельная реформа — насильственную коллективизацию, человеческое достоинство — беспрекословное подчинение. Даже Рождество было преобразовано в праздник деда Мороза, который был чужд традициям венгерского народа. А 20 августа — тысячелетний праздник основателя венгерской государственности короля Святого Иштвана и одновременно праздник нового хлеба, который издавна отмечался в Венгрии в день Петра и Павла, преобразовали в день Конституции, которую непонятно зачем вообще надо было праздновать. Отношения с соседней сверхдержавой — Советским Союзом — из категории взаимной симпатии и уважения, трезвых и ясных взаимных интересов (как, например, с Финляндией) перешли в иррациональную форму: детей в школе учили тому, что настоящим патриотом может быть только тот, кто любит другую родину — Советский Союз, а если же кто-то вздумает любить лишь свою историческую родину, значит, тот шовинист. В то же время между простыми людьми — в прямом и переносном смысле — непреодолимой стеной возвышалась граница, строго охранявшаяся с многочисленных сторожевых вышек.

Десятиmillionная страна вынуждена была изо дня в день усваивать замаскированный под идеологию язык, в котором смысл употреблявшихся с незапамятных времен слов отличался — где коренным образом, а где частично — от общепринятого. Стоя, овацией нужно было приветствовать символы светлого будущего — падение уровня жизни на две трети и символы изобилия — опустевшие пшеничные поля страны.

Затем умер Сталин, потом ушел «самый лучший ученик Сталина му-

дрый отец всех венгров» Ракоши, который не только растоптал чувство собственного достоинства, традиции и обычаи венгерского народа, но и разрушил хозяйственную жизнь страны. Но вот премьер-министром Венгрии Москва назначила И.Надя. И случилось чудо — И.Надь впервые за пять лет назвал вещи своими именами. Миллионы в прямом смысле слова рыдали у репродукторов. Затем после трех лет внутрипартийных дразг, во время которых закалившемуся в ходе московских «чисток» Ракоши вновь удалось оттереть от власти И.Надя, последовал 1956 год.

Он пришел с безжалостными разоблачениями мирно накапливавших силы писателей; с молодежными кружками; с кантатой Кодая о Зрини под названием «Не тронь венгра!» — это слова героя национального эпоса о борьбе против турецкого ига; с положенным на музыку стихотворением Ш.Петефи «Песня волков» с движением за реформы, в котором принимали участие интеллигенция, некоторые представители партийной иерархии, сплотившиеся вокруг И.Надя журналисты. И вот уже преподаватель-коммунист мог заявить прямо в глаза Ракоши: «Вы — убийца, уходите в отставку!», и ему ничего не сделали. Страна была поражена не бедностью, а лживостью, фальсификацией прошлого, искажением традиций, унижением человеческого достоинства, правды и справедливости. Не голодный бунт зрел в 1953–1956 годах в Венгрии. Русскому человеку, пережившему сталинскую эпоху, может показаться ничтожным то, что разыгралось в Венгрии в 1948–1953 годах. Хотя преследования «кулаков», фальсифицированные судебные процессы против коммунистов и некоммунистов, интернирование, выселения, экспроприация собственности и лишения прав затронули по меньшей мере треть венгерского населения, эти жертвы несопоставимы с миллионами погибших и многотысячными братскими могилами в СССР. Нельзя поставить знак равенства между лагерями Воркуты и Речка; размеры венгерского ГУЛАГа могут показаться незначительными. Почему же именно в Венгрии возник протест, полный революционного пафоса? Может быть, потому, что, какими бы глубокими ни были изменения в обществе и экономике (а по сравнению с прошлыми полуфеодальными порядками некоторые из них принесли действительно немалый позитив), за ними не стояла действительность октябрьской революции, имевшая глубокие корни в народе и делавшая все изменения в его глазах правильными и законными, за ними не было огромной жертвенности Отечественной войны. И это — печать времени. В

Венгрии была известна практика, но не корни сталинизма; советскую действительность во всех оттенках знали лишь бывшие московские эмигранты, вокруг сталинизма не сложился миф непобедимости. В двух странах, живших под господством сталинизма, не пустило корни (и тогда еще не могло пустить) такое живучее у нас сегодня понятие, как «общность судеб». Все, что разыгралось в Венгрии в 1948–1956 годах и после разгрома революции, закрепилось в общественном сознании — невысказанно, огрубленно — как импортированный террор, базирующийся на импортированной лжи. Стоит ли поэтому удивляться, что в ходе «увертюры» революции — дисциплинированной студенческой демонстрации, проведенной 23 октября с целью вызвать симпатии полякам, из национального красно-бело-зеленого флага вырезали сталинский герб, оказавшийся на месте венгерского древнего герба. Продырявленный посередине триколор, наверное, на все времена останется символом венгерской революции. В тот же день пополудни сотысячная толпа, собравшаяся перед парламентом, потребовала, чтобы премьер-министром вновь стал И.Надь. Люди хотели того руководителя-коммуниста, который впервые разрушил террор лживых слов. Но Надь, как дисциплинированный партиец, заставил толпу ждать в течение двух часов, и этих двух часов, похоже, оказалось достаточно, чтобы контроль над событиями — на все время или по крайней мере на несколько дней — выскользнул из его рук. Вечером разъяренные будапештцы при поддержке вышедшего на улицы венгерского танкового полка (в сторону военных неслись слова: «Не стреляйте в своих матерей, не стреляйте в своих соотечественников!»), свергли с пьедестала гигантский памятник Сталину, за что тогдашний генеральный секретарь партии Э.Герё (убийца, носивший во время гражданской войны в Испании псевдоним Педро) назвал демонстрантов «фашистским сбродом». Это лишь подлило масла в огонь. Реакция была молниеносной: толпа с добытыми у венгерских солдат и милиции винтовками начала штурм зданий Венгерского радио и издательства центральной партийной газеты, представлявших тогда главными источниками лжи. Радиотрансляционная система находилась за городом, в парламенте была только временная студия для вещания, так что штурм радицентра был бессмысленным, хотя он вызвал жертвы как у нападающих, так и у оборонявшихся. А на следующий день он породил советское военное вмешательство и чрезвычайное положение. Имре Надь стал премьер-министром, но реаль-

На улице в Будапеште

ная власть все еще находилась в руках Э.Герё. Реальная власть?

Обратимся к хронике событий. **24 октября** в провинции и в Будапеште возникли первые рабочие советы — подлинные организации советской власти. Город ликует. Советские танки окружены людьми, рядовым советским солдатам, впервые увидевшим революцию, вдохновенно объясняют, свидетелями чего они, собственно говоря, являются. На танках венгерские флаги, на бортах мелом нарисован венгерский герб. Но вот танкисты получают приказ открыть огонь, и восставшие — то там, то здесь — вступают с ними в бой.

Венгерское радио, работающее из подвальных помещений парламента, ежедневно «запрещает революцию». Оно просит, умоляет, льстит, пускается в объяснения, угрожает, обольщает, предупреждает (одумайтесь, мол, а то в воскресенье не состоится футбольный матч). Но к этому времени мостовая уже обогрета кровью 250 человек.

25 октября с крыши здания Министерства земледелия расстреляна безоружная демонстрация. По официальным сообщениям, число жертв не превышает ста убитых, однако вечером на кладбище оказывается 820 трупов, а сколько еще умерло в последующие дни от ран?

26 октября. Забастовки из Будапешта перекинулись на провинцию; повсеместно возникают рабочие советы и революционные комитеты. В небольшом городке Мошонмадьяроре, что на западе Венгрии, расстреляна демонстрация — опять 100 невинных жертв. Нельзя сказать,

что введение военного положения не дает никаких результатов, но ситуацию оно не улучшает. Осознавая это, «силы по поддержанию порядка» делают во второй половине дня заявление: «довольно проливать кровь», «беспопашная ликвидация фашистских банд» превращается в «братоубийственную бойню». Создается правительство национального согласия, его глава — И.Надь.

27 октября. Опубликован состав нового правительства: конгломерат давно дискредитировавших себя сталинистов с политиками, слову которых можно верить. В Будапеште тихо. Официальное заявление: «Хулиганствующие (то есть уже не фашистские) группы в Будапеште сломлены». Большинство «хулиганов» составляла молодежь, через три дня из них будет создана Национальная гвардия, которая вместе с военными и милицией станет поддерживать революционный порядок и законность. Ребята-сорванцы — излюбленные персонажи будапештского юмора. «Почему Советский Союз не занял улицу Ромер Флорис? Потому что на одном ее конце находится школа, а на другом — детский сад». «Тетенька, разрешите мне стрелкнуть из вашего окна? Пожалуйста, сынок, только, прежде чем войти в комнату, вытри как следует ноги». Два паренька разговаривают между собой: «Ты где служишь?» — «В тяжелой артиллерии». — «Ну да! Где вам удалось достать пятилитровые бутылки?» (Легкий намек на «коктейль Молотова».) Всевенгерский союз профсоюзов заявляет: «Сбылась мечта рабочего класса, заводами будут управлять рабочие советы».

28 октября. Выполняется самое настоятельное требование: И.Надь объявляет о безотлагательном выводе из Будапешта советских войск и роспуске ненавистных народу венгерских органов государственности. Причины затянувшихся и бессмысленных боев больше нет, условия их прекращения выполнены. Советский комендант города Дьер заявляет, что «считает справедливыми выступления венгерского народа против своих руководителей-угнетателей», и благодарит за заботу о семьях военнослужащих: по собственной инициативе местные власти отправили их детям сорок литров молока. А в крупном промышленном центре северной Венгрии Мишкольце УГБ открывает огонь по толпе. Результат — новые невинные жертвы и самосуд толпы.

29 октября. Правительство Имре Надя переезжает из здания ЦК в парламент. Начинается вывод советских войск из Будапешта. Из сел бесплатно поступает продовольствие в больницы и на заводы столицы.

30 октября. К рассвету советские войска покидают Будапешт, но город остается в их стальном кольце. Исторически настроенная толпа, ищущая камеры пыток УГБ, громит помещение будапештского городского комитета партии. Убито 24 человека, среди них товарищ Имре Надь — Имре Мезё. Новое правительство Имре Надя отменяет обязательный сельскохозяйственный натуральный налог. Восстают распушенные в 1948 году партии. Рабочий комитет приграничной с Советским Союзом области Сабольч-Сатмар заявляет: «Проявим терпение иждеждемся, когда они (советские войска. — Прим.ред.) уйдут и когда мы сможем с последним уходящим солдатом послать советскому народу букет цветов с могилы венгерских борцов за свободу. Мы делаем это не из гнева или мести, а чтобы сказать, что в Советском Союзе еще действует такой метод сталинизма, как ложь. Советский народ обманули, назвав венгерских борцов за свободу контрреволюционерами». Имре Надь обращается с воззванием к народу: «С искренней, пламенной любовью я опять обращаюсь к вам, мои венгерские братья. Революция, героями которой вы являетесь, победила. Сегодня мы начинаем переговоры о выводе из страны советских войск».

Окончание следует.

The World Paper

Африканские страсти

В этом выпуске американской газеты «Уорлд пейпер» речь идет об Африке — континенте, который все еще находится на задворках мировой печати

В представлении тех, кто читает только газетные заголовки, Африка — это порочный район третьего мира. Подобное представление складывается на фоне тех колоссальных проблем, с которыми действительно сталкивается Черный континент. Но постоянное описание Африки в неизменно черных тонах таит в себе опасность того, что эти описания становятся сбыва-

ющимися пророчествами. При этом остаются незамеченными положительные явления на континенте.

На самом деле, европейцам предстоит многому научиться от Африки: например, формам социальной организации и человеческих отношений, которые объясняют, как народы континента смогли выжить в эти последние трудные 20 лет. Европейский источник культуры почти пуст. Из африканского можно еще черпать долгие годы...

В течение 30 лет «развитие» в Африке осуществлялось без учета желаний самих африканцев и без их участия. Такое развитие потерпело фиаско. Сейчас африканцы начинают брать «развитие» в собственные руки. Это порождает величайшую — хотя еще и хрупкую — надежду на континенте.

Навстречу плюрализму и надежде

Из Африки поступают хорошие вести. Люди пробуждаются от многолетнего сна авторитарного правления. Они твердо намерены взять в свои руки собственную судьбу и творить собственную историю.

Но есть и плохие новости. Некоторые режимы, обладающие абсолютной властью, не хотят уходить и пытаются повернуть вспять колесо истории.

Сторонники однопартийной системы в Аф-

Африка: много оружия, мало еды...

Рисунок из журнала «Жен Африк»

рике утверждают, что традиционным африканским обществам подходит лишь такой строй. Бывший президент Танзании Джулиус Ньерере

остается стойким приверженцем этой точки зрения. Такие люди, как Ньерере, обосновывают свою позицию следующим образом:

- однопартийная система содействует национальному единству;

- усилия людей направляются на государственное строительство, а не тратятся впустую на политику;

- любые разногласия можно разрешить и при однопартийном режиме на основах консенсуса;

- возможно существование демократии и соблюдение прав человека в условиях тоталитарного строя.

Однако опыт показывает, что однопартийные режимы, включая и режим самого Ньерере в Танзании, не подтвердили ни один из этих четырех аргументов. На самом деле государства могут претендовать на национальное единство только в условиях существования многопартийной системы. К примеру, Ботсвана с ее многопартийностью является государством, где удалось достигнуть национального единства; в то же время Сомали при однопартийной диктатуре Сиада Барре погрязла в межплеменных столкновениях.

Однопартийные режимы в Африке не могут похвастаться демократической практикой или успехами в обеспечении прав человека. Гвинея Секу Туре имела свои архипелаги ГУЛАГ; Заир при власти Мобуту Сесе Секо отличается жесточайшими репрессиями против инакомыслящих; Малави, во главе которой находится Хастингс Камузу Банда, является «самым полицейским государством» в Африке.

Африканцы говорят, что правительства должны служить народам, а не народы правительствам. Это основное демократическое требование, которое не понимают такие люди, как Ньерере.

Государство обязано превратить в жизнь идеи свободных граждан. Вот в чем, собственно говоря, заключается демократия. Быть управляемым и в то же время контролировать правителей — вот в чем суть демократии, утверждал английский драматург Бернард Шоу.

Сторонники многопартийной системы в Африке стремятся к кардинальным изменениям, которые в конечном счете приведут к созданию подлинных представительных правительств. Лидеры однопартийных режимов ищут новые пути и средства сохранения своих привилегий путем косметического ремонта авторитарных структур. Но африканцы отвергают подобные ухищрения.

Модель для новой Африки

«Если вчера я боролся с вами как с врагами, то теперь вы стали друзьями и союзниками с теми же национальными интересами, правами и обязанностями, что и у меня. Несправедливости прошлого должны быть забыты!»

Эти слова, произнесенные президентом Зимбабве Робертом Мугабе во время празднования Дня независимости, составляют суть чудесного перехода этой страны от колониализма белого меньшинства к правлению черного большинства.

Однако многие чернокожие, составляющие 98 процентов населения страны, и сегодня считают, что экономически сильное белое меньшинство лишь на словах поддержало философию примирения для защиты своих материальных интересов. И все же лишь немногие страны в мире, прошедшие через такую ожесточенную войну, какую испытала Зимбабве до достижения ею независимости от Британии, могут утверждать, что они достигли примирения и не отплатили злом за зло.

Бывший белый

В отсталости Африки виновен не международный заговор, а коррумпированные безответственные правительства, продолжающие цепляться за тоталитарные антидемократические структуры. Этим правительствам хочется сказать слова, обращенные Гамлетом к Офелии в трагедии Шекспира «Гамлет»: «Уйди в монастырь; к чему тебе плодить грешников?»

ПЕРЕФРАЗИРОВАВ эти слова, так и хочется им сказать: «Предоставьте своим подданным право выбора — и перестаньте делать вид, что вы управляете по мандату народа».

Аньянг Ньонго
НАЙРОБИ, КЕНИЯ

премьер-министр Южной Родезии Ян Смит, который несет личную ответственность за десятилетнее содержание Мугабе в тюрьме, свободно проживает в независимой Зимбабве. Тысячи белых, которые в гневе покинули страну, после обретения ею независимости вернулись на свою историческую родину.

Принадлежность к той или иной расе перестала быть доминирующей политической силой. Экономическая инфраструктура сохраняется.

Зимбабве научилась умеренности на опыте Мозамбика и Анголы, которые стали независимыми раньше этой страны и оказались вверженными в хаос, после того как их покинули белые сограждане.

Сейчас, говорит зимбабвийский экономист Норман Рейнольдс, проводимая президентом Мугабе политикой примирения — это «лучший дар, который Зимбабве может передать Намибии и который Намибия, в свою очередь, может передать Южной Африке».

Почему же Мугабе, один из наиболее бескомпромиссных национали-

стических лидеров в Зимбабве, избрал оливковую ветвь? Почему многолетний узник не прибегнул к мести в отношении своих бывших угнетателей?

Дело все в том, что президент Зимбабве исходил прежде всего из прагматических соображений. Он прекрасно осознавал, что лишь с помощью белых сограждан можно построить в стране процветающее общество. Р.Мугабе опасался, что, как это случилось ранее в Анголе и Мозамбике, белые, покидая Зимбабве, увезут не только свои знания, столь необходимые для страны, но и сожгут и разграбят принадлежащее им имущество. Поэтому первым шагом новой администрации стала попытка рассеять опасения белых. Президент Зимбабве, обладающий шестью университетскими дипломами, встретился со многими ключевыми фигурами среди белой общины страны. Джон Браун, бывший президент Союза фермеров, вспоминает о своем участии в одной из таких встреч: «Я сразу же осознал, что этот человек взял власть всерьез и надолго. И нам, белым, предстоит приспособливаться к новым реалиям. Но я поверил Мугабе, ибо он видел во мне не временного жителя, а такого же коренного зимбабвийца, как и он». Подобные настроения возобладали у значительной части белых зимбабвийцев, и они остались на своей исторической родине.

Но стали ли они патриотами независимой Зимбабве. «Они присутствуют здесь только физически, но не духовно», — заметил писатель Ченджерай Хову. Это утверждение подкрепляется тем фактом, что большинство белых вернулись в Зимбабве из Южной Африки или Великобритании вовсе не из-за любви к новому правительству и не из-за патриотизма, а лишь потому, что они обнаружили, что не могут нигде позволить себе такой роскошный образ жизни, какой они вели здесь.

И все же Роберт Мугабе

ВИЗА УПРАВЛЯЕТ ЖИЗНЬЮ.

Виза применяется при банковских операциях чаще чем любая другая кредитная карточка в мире.

подчинил свои чувства велениям разума. Во время первых выборов, проводившихся не на расовой основе в 1990 году, трое белых выступали в качестве кандидатов правящей партии и одержали победу. Трое из 22 министров правительства Мугабе — белые.

Политика Зимбабве, которая когда-то определялась расовыми отношениями, сейчас в гораздо большей мере ориентирована на решение насущных экономических проблем, которые в одинаковой степени волнуют как белую, так и черную общину страны.

На экономическом фронте примирение позволило Зимбабве сохранить нетронутой ее инфраструктуру и экономику, являющуюся предметом зависти многих других африканских стран.

Белые все еще зани-

мают ключевые позиции в частном секторе. Но чернокожих зимбабвийцев теперь можно найти и в этом секторе экономики.

Наиболее важное экономическое «наследие», с которым Зимбабве сталкивается в настоящее время, — это проблема распределения земли. Правительство заявило, что оно планирует приобрести половину всех сельскохозяйственных угодий, принадлежащих белым, по ценам, которые оно само определит. Хотя белые фермеры реагировали раздраженно на эти предложения, ни один из них не покинул страну. «Мы уверены, — размышляет белый фермер, — что это правительство, с которым можно работать. Мы все граждане Зимбабве и как-нибудь уладим любые споры между собой».

Коллин Лоу Морна
ХАРАРЕ, ЗИМБАБВЕ

тять до 30 процентов скудных валютных поступлений на уплату процентов по долгу, а не на погашение самих долгов. Таким образом происходит постоянный отток денег от бедных государств к богатым.

Правительства африканских стран приступили к осуществлению программ структурной перестройки под руководством Всемирного банка и МВФ. Эти программы включают в себя отмену правительственных субсидий, либерализацию торговли, девальвацию валют и повышение цен без соответствующего увеличения заработной платы...

В каждой стране результат почти один и тот же: гиперинфляция и гибель мелких предприятий. В то же время растет число предметов роскоши. Кое-кто считает, что наличие роскошных товаров на прилавках Африки является доказательством успеха политики строгой экономики. Но это не соответствует действительности. Наличие товаров не улучшает качество жизни, если они недоступны по ценам.

Простые люди в африканских странах поднимаются на демонстрации против МВФ. Именно в рекомендациях Международного валютного фонда африканцы видят причину своего бедственного положения.

Кризис — это не просто голые статистические выкладки. В то время как уровень преступности резко возрастает и проституция становится нормой жизни для студентов, что увеличивает опасность распространения СПИДа в Африке, квалифицированные работники бегут на Запад. Для остальных жизнь в африканской стране — это медленная смерть. За последние 10 лет положение только ухудшилось. Не только упали доходы, но и к худшему изменилось обслуживание населения. В местах, где десятилетия назад имелись школы и медицинские центры, отсутствуют возможности для получения образования и лечения.

Детский фонд (ЮНИ-

СЕФ) заявляет: «В Африке ежедневно умирает более тысячи человек, а всего с 1985 по 2000 год, вероятно, умирало до 50 миллионов детей». По оценке Всемирного банка, 280 миллионов человек, особенно в сельских районах, живут в крайней нищете.

Богатым странам легко отрицать свою ответственность. Смерть из-за бремени долгов может даже казаться справедливым наказанием за некомпетентность, казнокрадство и расточительность африканских лидеров. Нигде нет такого дурного правления, как в Африке. И это справедливо. Но, по словам генерала Джозефа Гарбы, бывшего министра иностранных дел Нигерии, кредиторы обычно винят внутреннюю политику африканских стран, умаляя воздействие стихийных бедствий и несбалансированных политических и экономических структур, унаследованных от колониального прошлого.

В то время как Африка брошена на произвол судьбы, о Восточной Европе заботятся. Бывшие социалистические страны получают щедрую экономическую помощь. Африканцам остается лишь ждать, когда международным сообществом будут приняты такие же обязательства по обеспечению экономического благосостояния Африки.

Долговой кризис следует рассматривать как глобальную проблему. Африка и Латинская Америка задолжали Западу свыше 640 миллиардов долларов. Неплатежеспособность этих стран создает угрозу для процветания богатых государств. Нужны совместные усилия кредиторов и должников с целью нахождения справедливого решения глобальной проблемы. Такого компромиссного решения, которое устроило бы обе стороны.

Однако неясно, спешит ли Запад долги или будет продолжать софать кровь африканских крестьян. Очевидно лишь одно: Африка, попавшая в долговую кабалу, не может выплатить долги. Но последствия этого будут ощущаться во всем мире.

Тони Элюэмынор
ЛАГОС, НИГЕРИЯ

Тяжкое бремя черного человека

Африканские страны настойчиво требуют установления нового экономического порядка. Но мир, по-видимому, не обращает внимания на то, что Африка задыхается от долгов. Между тем миллионы людей из 50 африканских стран вновь сползают к доисторическому уровню жизни.

Запад называет ситуацию в Африке долговым кризисом: африканцы — бременем черного человека. Статистические данные показывают, что положение Черного континента близко к катастрофе. К 1985 году африканские страны задолжали западным банкам 53 миллиарда долларов. В последующие пять лет, в течение которых почти все государства Африки согласились на проведение поощряемых МВФ и Всемирным банком экономических реформ, долг возрос до 230 миллиардов долларов. Эта сумма в три раза превышает годовые экспортные поступления Африки.

Получается парадоксальная картина: задол-

женность континента растет, а цены на экспортируемые Африкой товары снижаются. Например, в 1980 году долг стран Африки, расположенных к югу от Сахары, составил 57 миллиардов, а экспорт региона дал свыше 50 миллиардов долларов. Восемь лет спустя задолженность подскочила до 138 миллиардов, а экспортные поступления сократились до 35 миллиардов.

Телефон перешел от эпохи медных проводов к эпохе оптического волокна, в результате чего накопленные Заиром огромные запасы меди ржавеют без употребления. Одним словом, как выразился бывший президент Танзании Джулиус Ньерере, сейчас требуют больше тонн сизаля (белого волокна, используемого для производства веревок и шпагата), чтобы купить меньшее количество тракторов. Как с сизалем Танзании, так же обстоит дело и с какао Ганы, каучуком Конго и ананасами Кот-д'Ивуара...

В то же время эти страны вынуждены тра-

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

П О Р Т Р Е Т Ы В Р Е М Е Н И

Двадцать последних лет я неспеша делал портреты современников — тех, кто жил рядом, кого боялся или кто вызывал любопытство. Бесконечная эта серия выросла в название — «Портреты времени»

Б.Жутовский родился в 1932 году в Москве. Многие годы работал книжным иллюстратором и писал картины «в стол». В 1962 году был в числе тех «художников-абстракционистов», с которых Н.Хрущев начал разгром культуры

Мама

Борис Жутовский

Моя мама, Нина Ивановна, 8 октября 1947 года пошла к соседям занять картошки. Вообще-то все выдавали по карточкам, но картошку сажали на разных клочках или покупали на базаре. Это делали осенью, потому что дешево и не мороженная. Стоила она рублей пятнадцать кило на позапрошлые деньги. Мы покупали мешок или два и держали их в старых шубах в другой комнате. Топили плохо, и мы втроем жили в одной. Электромонтер Козляков сделал нам за две тыщи жучка, и мы топились плитками. Еще грели на газу воду в кастрюлях и ставили на подоконники. И свернутые одеяла выкладывали вдоль оконных щелей, хотя и заткнутых ватой и заклеенных газетами на мучном клею.

Когда в другой комнате вешали белье после стирки, капли замерзали на полу льдышками. Стирала у нас старая нянька Аннушка и сестра бабушки, тетя Оня. Она до революции продавала художественные открытки у Аванца и Мюра и Мерелиза, где теперь галантерея на Петровке и ЦУМ, и была очень гордая. Мама звала ее постирать, чтобы покормить, потому что она всю войну пухла от голода. Муж ее, дядя Витя, до революции был офицером, а в революцию оказался в штабе атамана Шкуро. Однажды они взяли в

плен красного, но он оказался товарищем дяди Вити по офицерскому училищу, и дядя Витя тихонечко его выпустил. До революции к товарищам относились не так, как потом и сейчас. А когда красные все-таки победили, этот товарищ из-под расстрела спас и дядю Витю, и тетю Оню. И даже поменял им фамилию. Их сын Толька на второй день войны 41-го года прямо из школы пошел на фронт, и дядя Витя этого не пережил. И умер. Тетя Оня все собирала крохи, чтобы послать Тольке посылку на фронт, и сильно голодала. Они с бабушкой пили чай с селедочными головами, а в сарае у нее в бочках мерзла рубленая свкольная ботва. Толька вернулся с фронта раненый и долго искал работу. Война кончилась, и с мирной работой было просто дрянь. Он ходил во всем фронтовом, только без погон, а сапоги перевязывал веревкой, потому что они разваливались. Мы еще, наверное, не привезли эту картошку, а может, ее берегли совсем к зиме, и надо было разжиться до завтра.

У соседей обыск.

Несколько резиновых мужиков в штатском рылись в вещах и записывали что-то на бумажках. В разрытых углах ужались соседи с испуганными глазами. Мама Нина Ивановна посидела, по приказу, на табуретке у вешалки, а потом терпение у нее кончилось. Его у нее и так не густо, а тут надо было готовить еду, и она сказала одному резиновому, по-всему, главному: «У меня там два мужика, они ведь меня искать придут!»

Резиновый помолчал, пошуршал бумажками, вынул одну и дал подписать маме. Неразглашение, наказание, ответственность по статье... И отпустил. Но не навсегда, как потом оказалось.

Handwritten signature or mark, possibly reading 'Bent'.

А утром пришла несчастная Клара Моисеевна и сказала, что взяла Веру, ее младшую дочь. Утром еще было непонятно «за что», но позже сказали, что она американская шпионка.

Соседи наши жили в двухкомнатной квартире. Это была роскошь. Роскошь была оплачена кровью. Старшего сына Клары Моисеевны расстреляли англичане как Бакинского комиссара.

Какой он был комиссар, я не знаю, но про всю нашу историю столько навдумано, что уже к концу школы все понимали, что надо учить как велят, а что было по правде, знать даже опасно. И все отвыкли знать. Это теперь понятно, какие мы выросли уроды. А тогда кругом были враги. Настороженное доброжелательство связывало тогда людей, чтобы выжить. В одиночку выжить было нельзя. В одиночку выживали только маньяки, для которых выживание и было единственным занятием. Потом, когда по-

слабло, ярость выживания оказалась им чрезмерной. А кран заржавел, и все вокруг начинали сторониться их избытка. Всякое сверх вызывает зависть, а зависть рождает ненависть. А когда ты идейный дурак и восход солнца для тебя — идеологическое мероприятие, то тут же за углом убийство.

Сталин ездил мимо нашего дома на дачу. Вся левая сторона Кутузовской слободы была из домов НКВД, а во всех подворотнях и на углах торчали мужики в валенках и глядели. Жизнь их была паскудная, потому что надо было все время где-то наковыривать врагов. А иначе — за что кормят? С переменной одеждой у них всегда припаздывало, и несезонность как бы и была первым признаком. Солнце лупит — а он в сапогах, а то и в галошах. Да мы их и так узнавали. А к концу учебы на углах уже торчали ребята из нашей школы, когда кого подурей выпирали после седьмого. Они, конечно, воротили морду и не здоровались.

«Пантюха, — говорю я ему, — ты чего?» Он у фабрики-кухни стоит, прямо на углу, где газировка. «Чего ты тут делаешь?» «Проходи, проходи, не положено» — это Пантюха мне важно и стесняясь, а год назад контрольные списывал и поджигу зажухал.

А на Поклонной горе ими напиханы были все овраги от самой керосинной. Вся дорога до дачи была утыкана по кустам чугунными тumbочками с телефонами, чтобы звонить про подозрительных.

Клара Моисеевна была старой, рыжей, сутулой бакинской еврейкой. И очень умной. И очень доброй. Она плохо говорила по-русски, и мы над ней подтрунивали. Мы придумали называть ее «старуха Крил», потому что она приносила косточки коту Васке и говорила: «На, Васка, куриный крил». У нее было три сына и три дочери. И старшего расстреляли англичане в Красноводской пустыне. На краю Каракумов. И за это их поселили в Москве на нашей площадке. На Кутузов-

ской слободе. Совсем недавно это была Смоленская дорога. И Дорогомиловская застава. И самые старые кладбища в Москве — Русское и Еврейское. С церковью и синагогой. В школе мы прогуливали уроки среди черного лабрадора с кувическими письменами и грачиной галдой над высоким берегом Москвы-реки.

На еврейских и русских костях там теперь дома ЦК партии, и только во дворе дома 30 остались три тополя еврейской кладбищенской памяти. В филиале на противоположной стороне четыре гранитных столбика от ограды, один из которых уже лежит на боку. Напротив военкомата. От усталости. Скверик тоже на костях. Метро. Клуба. Деревья недомерки. Как наше поколение — низкие и ногастые.

Средний сын Доля в беспризорные революционные годы от любопытства уехал в Америку. Вырос и жил там до конца тридцатых, а потом соскучился и вернулся. И устроился работать переводчиком в американское посольство. Конечно, его надо было предупредить, что это опасно. Может, кто-то и говорил, а может, побоялся, поди узнай.

Он работал в этом проклятом посольстве до октября 47-го года, потому что главным шпионом назначили его, а сестра Вера придумана была пособницей. Она стала учить английский язык, и уж этого было достаточно.

Кто-то говорил, что там у него жена осталась и сын. Сейчас он бы старенький к ним ездил, потеплел душой, отмяк. Не успел. Поздно. Как-то у нас в стране все поздно. Может, это от бескрайности территории? Младший сын остался жить в Баку. Когда я его узнал, это уже был взрослый дядька и директор завода. Юность свою он потратил на ярость пионерских и комсомольских митингов, строительство заводов, пятилетки. Он хлопотал об устройстве социализма со всей яростью неуверенного человека. С одной стороны, он был брат героя. И героя мертвого, так что опасности, что его вдруг переведут во врагов, почти не было. И об этом говорили вслух, наверное, и выбирали, доверяли и поручали ему что-то прямо за это. О тонких вещах вроде образования, характера или пользы не думали, потому что это было для начальников не по росту. А про другого брата, который в Америке, помалкивал, но внутри трепетал: «Унес его черт в Америку», думал, «жил бы здесь братом брата, а то вот теперь бойся». «Может, думают, что помер или совсем не помнят?» Кому надо — те помнили, собирали, выдумывали. К тому времени выдумка превратилась в улику и в разгоряченных мозгах хозяев борьба стала вместо ремесла, а классовое чутье — вместо культуры. Этот придуманный усатым фокус живет и сейчас.

Старшая дочка в Ленинграде жила. За скульптором. Он с напарником по стране ленинов, сталинов и орджоникидзе натывивал. И кировых, чтобы думали, что не усатый его замочил. Дочку я никогда не видел, а скульптор приезжал часто. И все на лестнице папирсы жевал и мои рисуночки хвалил. Хвалить было нечего, но он так придумал, видно, что лучше всего хвалить. Хвалит рисунки, а сам спиной вздрагивает и на соседей косится.

С тех разговоров — не про искусство, нет! (а если бы курил на нашей площадке с Цадкиным или Дали?) — про страх прошло тридцать с лихом! Это как с 1900 по 1932-й или с 1917 по 49-й! Шутка!

К концу школы поняли: учи как велят, правду знать опасно

А своя жизнь — вроде вот она — коротенькая: все вчера да позавчера. Одними покойниками и меряешь.

«Две дочки жили с Кларой Моисеевной. Средняя Ида прошла всю войну и на 9 Мая надевала орденские колодки. Была она одинокой, работала где-то на Филиях по медицинской части. Курила папиросы с ватой и жила в одной комнате с мамой. Все годы ареста Веры она вглядывалась и направляла сына ее, Игоря, странного мальчика, боявшегося темноты и вешающего своего котенка на дверной ручке.

У Веры муж был. Он сначала на фронте воевал, а потом вернулся. Все приходили как-то усталые, худые, раненые. В очередях и троллейбусах мужики с красными и желтыми полосочками за раны как чуть что впадали в истерику, рвали рубахи, били стекла, перли без очереди. И разобрать, кто воевал, а кто глотку драл, тогда было трудно. Наум пришел кругленький, в погонах, в голубых глазках, с трофеями. Кресла какие-то, картины. Он стал заниматься освещением школ. Какое такое освещение, когда бублики на шарап кидали, а учителя донашивали гимнастерки и в обморок падали? А уборщица тетя Катя в щели под лестницей жила? А он придумывал про освещение школ. Но тут пришли с обыском.

Резиновый потом маму несколько раз в разные места вызывал и домой приходил. Все уговаривал ее подтвердить, что Вера шпионкой была.

А мама таращилась на него и резонила: «Ну сами посудите, — говорила, — зачем ей это, когда муж с войны живой пришел, мать жива, сын здоров? Чего еще бабе нужно?» «Смелая вы женщина, Нина Ивановна, — резиновый ей, — у вас же сын растет...»

Когда Наум об этом узнал, чуть ли не уговаривать стал маму, чтобы согласилась. Сам он развелся с Верой, как со шпионкой. Наверное, и еще чего-нибудь велили, потому что и с работы не турнули, и в партии оставили.

Почему они маму не замели — непонятно.

Может, пожалели, а скорее всего, по этому делу они уже полный кулек набрали. А это он впрок готовил, чтоб машина не простаивала. Я все гляжу на нее, бедненькую, ух и досталось ей!

К первой мировой ей четыре года было. Дед воевать ушел, а бабушка Марья Ивановна одна бедовала. По сестрам да братьям. Их у нее больше десятка было. Они все на железной дороге работали — кто кем. Машинисты, кассиры. Одна из сестер, тетя Поля, в будке стрелочницей жила. Лет сорок. Будка до сих пор стоит в Усово. Война кончилась — революция. Революция подзатихла — гражданская. Чуть в нэп передохнули, а там за страну принялись — только оглядывайся. За муж за отца вышла, нищета, полы земляные, соседка в суп мыло кидала и крыс. Меня Феклуша нянчила за еду. От голода из Саратова сбегала.

Через пару лет отца в Америку услали, как бы подучиться. А как вернулся — в Арктику. Леваневского искать. На обратном пути он и погиб. В мае 38-го. Грех сказать — вовремя погиб, резиновые его уж дожидали. Ну раз погиб — похоронили торжественно, на Новодевичьем, с салютом.

«Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы». Усатый это просто и

ясно сформулировал. При таком хозяйстве ясность — первое дело. К осени дед умер, и осталась мама со мной и бабушкой в 28 лет. Квартиру оставили, как и соседям, за смерть.

Не успела оглядеться — война. Карточки, распределители, холод и голод... В 43-м к нам Горяша переехал. Отчим мой. Он свою первую жену оставил и к нам пришел жить. Мама и ее жалела, она к нам приезжала подкормиться. Ее потом жилищка молотком убила за комнату и в шлак закопала. Они с мамой тридцать лет прожили. Настоящий был мужик, с совестью и достоинством. Он-то из меня человека и делал.

Вот так и крутились, выживая, пока мама 8 октября 1947 года не пошла к соседям занять картошки.

Клара Моисеевна до самого Берии дошла. Мать Бакинского комиссара, она ногой все двери открывала — но бестолку. И Доле, и Вере по 25 лет отлудили, но все почему-то говорили — 15. Вроде поменьше. Не так виноваты?

В 54-м они вернулись. Старушка их не дождалась. Умерла. Вскоре Вера с мужем и сыном в другое место уехали. Ида курила, курила свои папиросы и тоже умерла.

Через много лет, в 80-м, звонок по телефону: «Здравствуй, Боря, это Борис Абрамович Мишне говорит, помнишь меня?»

Помню, а как же, рад вас слышать.

Приехал.

Постарел, конечно, но такой же сухонький, энергичненький. Оказывается, его в 52-м зимой замели и посадили. И хорошо мордовали, так что он два раза на самоубийство решался, веревочку пристроил и вены расколупал. Но его перехватили и впаляли 10 лет.

«Я ведь, Боря, в печати сотрудничал. Так я в лагере быстро стал незаменимым. В стенгазету писал, и в центральную всего ГУЛАГа заметки давал. На общих работах не трудился, я больше по бригадам ездил и про труд сочинял. Ну, знаете, про план, про ударников... Когда меня освободили одним из первых, так в управлении лагеря все спрашивали, ах, это тот Мишне. Очень хвалили...»

Попили чаю. Повспоминали.

Последние годы каждую весну я везу маму на дачу. Недалеко. Под Одинцово. И каждый раз спрашиваю про всю эту историю с резиновым. В повторах детальки всплывают.

Он мне однажды в троллейбусе встретился, уже после смерти Сталина, сильно после — мама рассказывает, — я с ним поздоровалась. А он взял и выскочил из троллейбуса...

А как звать его, мам?

Николай Иванович, говорит, молодой, даже симпатичный.

А фамилия его как?

Фамилию его я тебе не скажу, потому что напишешь где-нибудь или натрепешься, и опять будут у нас неприятности.

Нет, не скажу, и все.

Всякое «сверх»
вызывает зависть,
а зависть
рождает
ненависть

Пропавшая диссертация

У моего знакомого латиноамериканца 27 лет назад пропала диссертация. Он уже написал ее — о прогрессивных тенденциях в бразильской армии, — но защитить не успел: грянул переворот. Тема диссертации родилась из заявления тогдашнего генсека бразильской компартии Л.К.Престеса (бывшего саперного капитана и вождя легендарного выступления военных), будто армия идет за ним.

Но не только вера в предначертания вождя двигала моим знакомым. Тогда, в начале 60-х годов, с подъемом левых сил в Бразилии там действительно возникло мощное левое движение сержантов. Однако все решили генералы, овладевшие страной, в сущности, за одну ночь — с 31 марта на 1 апреля. Ту «апрельскую» революцию долго после этого именovali также «Спасительной».

У каждого военного переворота свои обстоятельства и своя интрига. Недаром же неудавшиеся среди них преобладают и степень кровавости различна. Бывают и такие, когда весь внешний фасад власти сохраняется, но политические лидеры становятся марионетками в руках генералов. При таком положении говорят о «бордаберризации» страны по имени уругвайского президента, который царствовал, но не управлял.

По нашей былой классификации военные перевороты делились на реакционные и прогрессивные. Прогрессивность определялась по конфликтам с Вашингтоном и программе национализации частной собственности. Впрочем, мы лояльно относились к бразильским военным, к аргентинским, далеко не прогрессивным, и отыгрались на Пиночете, который по справедливости должен был разделить адресованные ему осуждения с коллегами из других стран. А в экономике он управлял лучше их всех.

Как зарождается военный переворот, невооруженным глазом усмотреть трудно. Но ясно, например, что латиноамериканское офицерство идеологически склонно к консерватизму. И в ходе реформ, если они задевают усвоенные в училища и культивируемые в отгороженной от мира армейской среде воззрения, его легко подтолкнуть к выступ-

лениям реакционного характера.

Особенно легко, если реформы затронут и его материальные интересы. В Аргентине путчи повторяются периодически до сих пор, хотя как будто для успеха нет никакой надежды, ибо аргентинские генералы, побывавшие у власти, оставили по себе дурную память: разваленную экономику, кошмарный внешний долг, позор мальвинского поражения и пыточных подвалов. Тем не менее на уровне подполковников попытки силой оружия решить свои проблемы продолжают. А проблемы есть.

Смута — почти необходимая предпосылка военного переворота. Вот как объявила о себе чилийская военная хунта:

Учитывая

1. Чрезвычайно серьезный экономический, социальный и моральный кризис, подрывающий страну.

2. Неспособность правительства принять меры, чтобы остановить дальнейшее разрастание хаоса.

3. Неустанное разрастание военизированных групп, организуемых и обучаемых Народным единством, поддерживающим Альянде, — обстоятельство, которое неизбежно вовлечет чилийский народ в гражданскую войну.

Вооруженные силы и корпус карабинеров заявляют:

1. Президент республики должен

Перуанские солдаты ведут подозреваемого. Поручать армии наводить порядок в стране — значит увеличивать риск переворота

Фото из журнала «Ойга» (Перу)

немедленно передать свои высокие полномочия чилийским вооруженным силам и корпусу карабинеров.

2. Чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига и за восстановление порядка и конституционного правления.

3. Рабочие Чили могут не сомневаться в том, что экономические и социальные блага, которых они добились на сегодняшний день, не будут подвергнуты большим изменениям.

4. Печать, радиостанции и телеканалы Народного Единства с этого момента должны прекратить передачу информации. Иначе они будут подвергнуты нападениям с суши и с воздуха.

5. Население Сантьяго должно оставаться по домам во избежание гибели ни в чем не повинных людей.

От других подобных деклараций пиночетовскую отличает понятная при свойственных чилийской армии прусских традициях краткость. Отличается чилийский переворот также тем, что он не только восстановил нарушенные рыночные правила экономической деятельности, но и дал рынку большую свободу. Чаще генералы увлекаются национализацией, подводя под свою военную силу материальную базу. В Бразилии при военных госсектор охватывал до трети хозяйства страны, и с такой позиции генералам легче было диктовать ей свою волю.

Бразильский публицист Женивал Рабело объяснял мне, что генералов влечет к власти и возможность обогатиться, и стремление добиться нового общественного статуса. Правда, став губернаторами и ректорами университетов, директорами компаний, они в условиях диктатуры редко оказываются в силах победить беса взяточничества. Что не мешает им и до, и после переворота охотнее всего размахивать оружием нравственности, целя им в самые уязвимые места демократии — ее терпимость к слабостям и непристойностям.

Военный переворот в Бразилии для моего знакомого диссертанта оказался неприятным сюрпризом. Но сами бразильцы предчувствовали его, как и чилийцы — пиночетовский. Одни — обреченно, другие — равнодушно, третьи — с нетерпеливым злорадством. Третьих было не так мало, как хотелось бы себя уверить.

Виталий Соболев

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Имя выдающегося русского философа и культуролога, пожалуй, нельзя отнести к числу забытых. Правда, массе читателей говорит оно немного, но специалистам по истории отечественной философии труды его, хотя и не издававшиеся на родине после октябрьского переворота 1917 года, известны хорошо. Произошло это потому, что, во-первых, Лев Шестов, пожалуй, более других русских мыслителей испытывал на себе воздействие «силового поля» в европейской традиции; а во-вторых, потому, что Лев Шестов, почти не писавший на общественно-политические темы, считался ревнителями «чистоты идеологии» менее «крамольным», чем, скажем, Н.Бердяев, отнюдь политики не сторонившийся. Бердяева от опалы в стране «соцреализма» не спасало даже не-

которое его «большевизанство» (за которое немало упреков получил он от друзей по перу и по эмиграции). А вот о Лье Шестове в СССР вполне можно было в застойные годы и диссертацию защитить, особенно даже не впадая и в обязательное для работ о «буржуазном» философе критиканство. Хорошая — тем более для своего времени — статья посвящена Льеу Шестову в «Философской энциклопедии» (вышедшей в 70-е годы).

Меж тем политические работы у Шестова все-таки были, правда, крайне немногие. С фрагментами одной из них мы вас сегодня и познакомим. Статья, написанная весной 1920 года, вышла в том же году во французском переводе в Париже. Одновременно за границей готовилось и ее русское издание — в виде брошюры. Оно состоялось, но судьба книжки была печальной — ее тираж, предназначенный и для России, был уничтожен издателем, который являлся советским

подданным. Ознакомившись с текстом, он пришел в ужас от ее содержания и, сохранив лишь около 100 экземпляров, пустил книжку под нож. Так что брошюра эта, напечатанная под названием «Что такое русский большевизм?», является двойным раритетом: это и библиографическая редкость, и пример столь редкого для творчества Льеа Шестова жанра политического памфлета. Мы публикуем отрывки под первоначальным заглавием рукописи.

И еще несколько слов об авторе. Родился Лев Шестов в Киеве. Настоящее его имя (Лев Шестов — это псевдоним) — Лев Исаакович Шварцман. Учился он в университете родного города на юридическом факультете. Тогда же увлекся философией, занятия которой продолжил за рубежом, а затем — в религиозно-философских кружках Москвы. С 1918 года преподавал философию в Киевском университете, а в 1920 году покинул родину. Впечатления от первых после большевист-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

ского переворота лет и подвиги его к написанию публикуемого очерка. Перу Льеа Шестова принадлежит целый ряд философских сочинений и культурологических исследований, принесших ему международное признание. Лев Шестов был одним из самых интересных и ярких представителей философии экзистенциализма. И имя его стоит в одном ряду с такими мыслителями этого направления, как К.Ясперс, М.Хайдеггер, Ж.Маритен, Н.Бердяев, А.Камю. Наряду с глубиной мысли Льеа Шестова отличает блестящий литературный стиль и богатый образный язык.

Большевизм как он есть

Лев Шестов (1866–1938)

В России происходит нечто худшее, чем война. Там люди убивают не людей, а свою собственную родину. И совершенно не подозревают, что делают. Одним кажется, что они делают великое дело, спасают человечество, другие вообще ни о чем не думают: просто приспосабливаются к новым условиям существования, принимая в соображение лишь собственные интересы сегодняшнего дня. Что будет завтра — им все равно, они не верят в завтра, как не помнят, что было вчера. Таких людей в России, как, впрочем, и везде, огромное, подавляющее большинство. И, как это ни странно на первый взгляд, они, эти люди сегодняшнего дня, всецело погруженные в свои мелкие, ничтожные интересы, творят историю; в их руках будущее России, будущее человечества и всего мира.

Это как раз менее всего понимают идейные вожди большевизма... Режим большевиков... это деспотизм, причем — усиленно подчеркиваю — деспотизм непрощенный. Большевики не верят, совсем так же, как и русские политические деятели недавнего прошлого, не только в добродетель (такого рода скептицизм, как известно, разрешается политикам), они не верят в знание, не верят даже в ум. Добросовестные хранители истинно русских политических традиций, традиций еще сложнее у всех в памяти крепостного периода русской истории, они верят только в палку, в грубую физическую силу... Нынешние комиссары знают только одно возражение: «чрезвычайка». И убеждены, что в этом слове заключается вся глубина государственной мудрости. Разные свободы, неприкосновенность личности и пр. — все это пустые выдумки европейских ученых доктринеров, мы в России обойдемся и без свобод и без неприкосновенно-

стей... (Но) никогда еще успокоение не приходило от «чрезвычайных» комиссий и никогда зверство и расправа без суда не приносили мира государству.

Я назвал большевиков идеалистами, и я же сказал, что они не верят ни во что, кроме грубой физической силы. На первый взгляд, это как будто бы два противоречивых утверждения. Идеалист верит в слово, стало быть, не в физическую силу. Большевики, воспитавшиеся на крепостничестве царского режима, говорили о свободе только до тех пор, пока власть была в руках у их противников. Когда же власть перешла в их руки, они без малейшей внутренней борьбы отказались от всяких свобод и даже развязно объявили самую идею свободы буржуазным предрассудком, драгоценным для старой, развращенной Европы, но совершенно бесценным для России...

Кто хочет понять то, что происходит сейчас в России, должен особенно внимательно остановиться на первых проявлениях государственного творчества большевиков. Все, что они впоследствии делали, находится в теснейшей связи с их первыми актами. Здесь, в Европе, да отчасти и в России многие склонны думать, что большевизм есть некоторое новаторство и даже огромное новаторство. Это ошибка, большевизм ничего не сумел создать и ничего не создаст: в этом его тягчайший грех перед Россией и перед всем миром, поскольку Россия связана экономически, политически, морально с остальным миром. Большевизм не создает, а живет тем, что было до него создано...

...Мне хотелось бы только выявить одну наиболее, по-моему, характерную черту большевистской сущности. Большевизм, повторяю, реакционен; он не умеет ничего создавать. Он берет то, что у него под рукой, что без него сделали другие. Короче: большевики — пара-

зтиты по самому своему существу. Конечно, большевики этого не сознают и не понимают. Да если бы и поняли, то едва ли согласились бы открыто признаться в этом. Но во всех областях, которых коснулась их деятельность, сказались их основная особенность. Они сами формулируют свою задачу так, что сперва нужно все разрушить, а потом лишь начать создавать. Если бы идейные, голубоглазые большевики умели задумываться над своими словами, они бы ужаснулись им. Я уж не говорю о том, что такая формула идет совершенно вразрез с основным учением социализма. Само собой разумеется, что Маркс не признал бы в людях, возвестивших такую программу, своих учеников и последователей. Маркс полагал, что социализм есть высшая форма хозяйственной организации общества, с такой же железной необходимостью вытекающая из предыдущей буржуазной организации, с какой буржуазное хозяйство следовало за феодальным... И социализм не только не предполагал разрушение буржуазной организации хозяйства — он, наоборот, предполагал полное сохранение и совершенную неприкосновенность всего, что было создано предыдущим строем. Задача социализма соответственно этому представлялась Марксу как задача созидательная. Превратить буржуазное хозяйство в хозяйство социалистическое значило путем перехода к высшей, улучшенной организации производства не разрушить, а увеличить производительность страны; это была задача положительная. От нее большевики сразу отказались, ибо, очевидно, чувствовали, что не их дело создавать. Гораздо проще, легче и доступнее существовать на счет того, что раньше было сделано. И большевики ведь, в сущности, ничего не разрушают. Они просто живут тем, что нашли готовым в прежнем хозяйственном организме. Когда Ленина кто-то упрекнул в том, что большевики занимаются грабедом, он ответил так: «Да, мы грабим, но мы грабим нагнанным». Пусть это будет верно, пусть и в самом деле большевики отнимают лишь то, что раньше было насильно захвачено, но от этого дело не меняется. Большевики все же остаются паразитами — ибо, ничего не прибавляя к прежде созданному, питаются соками того организма, к которому они присосались. Как долго можно так существовать, сколько времени может питаться Россия большевиков — не берусь сказать... Большевики сделали все, что могли сделать, чтобы помешать революции в ее основной задаче: раскрепостить русский народ. Совершенно очевидно, что даже дело разрушения, в сущности, им не удалось. Они истребили большую часть народного достоинства, они погубили в тюрьмах и чрезвычайках немалое количество прежних министров, губернаторов и богатых людей. Об этом я распространяться не стану — все знают, как работают латышские «чрезвычайки» и китайские солдаты. Но ни бюрократизма, ни буржуазии они не уничтожили. Какое уничтожили! Никогда еще в России бюрократия — и такая бездельническая, жалкая, никчемная бюрократия — не плодилась с такой неслыханной быстротой. В каждом учреждении по крайней мере в десять раз больше людей, чем нужно для поставленных ему целей. И на десять учреждений есть едва ли одно, которое в самом деле для чего-нибудь нужно...

В глубине народного духа жила вера в правду, та вера, которая нашла себе выражение в лучших произведениях русской литературы. Даже казалось, что народ и в царя верит, и его считает жертвой окружающих его дурных советников. Но когда вспыхнула революция, сразу стало ясно, что в царя народ уже не верит. Как это ни странно, но ведь во всей огромной России не нашлось ни одного уезда, ни одного города, даже, кажется, ни одного села, которые встали бы на защиту свергнутого

царя. Ушел царь — скатертью дорога, и без него обойдемся. Правда, которую искал народ, не у царя, а в ином месте, у тех, которые боролись с царем. Этим и объясняется колоссальный успех, выпавший в начале революции на долю социалистов-революционеров... Социалисты-революционеры торжествовали. Бескровная революция — вот она, Россия, не то что гнилая Европа!

Но тут-то и сказались второй раз политическая беспомощность и бездарность той части русской интеллигенции, которая наследовала после свержения царя власть. Временное правительство, как я говорил, ничего не умело сделать. Оно царствовало, но не правило. За его спиной правили Советы, которые хотя ничего положительного не делали, но вносили в страну максимум разрухи. В Советах шла борьба между социалистами-революционерами, с одной стороны, и большевиками — с другой. Обе борющиеся стороны апеллировали к народу. Народ же несколько месяцев подряд безмолвствовал. Он ждал, что правительство найдет способы пере-

устройства страны соответственно тем идеалам права, которые жили в народной душе. Но правительства не было, а были борющиеся партии, которые менее всего были подготовлены к управлению. Народа и его нужд никто не знал и знать не хотел. Заботились только о том, кому достанется власть. И так как все-

таки полагали, что власть достанется тому, кто сумел расположить к себе большинство населения, то между партиями началось особое рода соревнование: кто скорее и больше сумеет наобещать народу. Обещали без конца. То разрешали народу захватывать землю, то инвентарь помещичий, то дома, то даже самих помещиков. Все ваше, берите — таково было последнее слово представителей партий. И народ понемногу стал приходить к убеждению, что все его идеалы и все его «правосознание» не стоят выеденного яйца. И прежде так было, и теперь так осталось, что прав тот, у кого есть когти и зубы, кто раньше и крепче сумел захватить. Пока были у власти бары — они были правы, теперь бары согнали — кто станет на их место, тот и сам станет барин, дворянином. Таким образом, социалисты всех толков в пылу борьбы меж собой совершенно не заметили и, кажется, еще до сих пор не замечают, что они сделали прямо противоположное тому, что они хотели сделать. Их задача была в том, чтобы ввести в народное сознание идеал высшей социальной правды, — а они изгнали из души народа всякое понятие о правде. У нас политические деятели всегда были плохими психологами...

Интеллигенция и русский народ слишком погружены в заботы о граде небесном, а о земных интересах не умеют и, главное, не любят думать. В первое время после свержения царя, когда еще Россия праздновала медовый месяц всяких свобод и когда все представители всех партий, не стесняясь, высказывали все, что думали, это особенно поражало. Куда бы вы ни пришли, всюду шли разговоры о высоком назначении России. Не об устройстве России — об этом никто не умел и не хотел думать. Всякие напоминания об устройстве вызвали взрыв негодования... Каждый русский писатель прежде всего философ. Даже политический деятель и партийный человек очень озабочены философским обоснованием своих суждений. И, повторяю, разнообразие философских взглядов у нас бесконечно. Но в одном все сходится... «Пусть лучше Россия погибнет, чем устроится по-мещански, наподобие отвратительной старой Европы!» — с не меньшим пафосом восклицал партийный деятель из крайних левых. В европейских государствах изгоняли царей, но в голове европейца царь оставался жить. Думали не о себе, а о земле, устраивались и на сегодня, и на завтра. Боролись с бед-

Если бы сторонники Ленина серьезно задумались бы над тем видением истории, которое они заимствовали у Гегеля, они поняли бы, что являются игрушкой судьбы — беда только от таких игрушек

ностью, холодом, голодом, эпидемиями, заводили фабрики, заводы, железные дороги, парламенты, суды... Конечно, если бы ограничились только свержением царя с престола, а в головах царь остался, мы бы не дошли до тех ужасов, до которых дошли. Россия сохранила бы свое единство, не развалилась бы. Народ не умирал бы от голода, холода, эпидемий. Крестьяне и рабочие вздохнули бы свободней, раскрепощенные от векового рабства. Но разве это царство Божие? Разве мало бы осталось трудностей и страданий на долю русского человека и в обновленной России?..

Может быть, после этого отступления станет яснее, почему я называл большевиков паразитами. По самому существу своему они не могут создавать и никогда ничего не создадут. Идеинные вожди большевизма могут сколько угодно склоняться и спрятать слова «созидание» и «созидать» — к положительному творчеству они абсолютно не способны. Ибо дух крепостничества, которым проникнута вся их деятельность и даже вся их упрощенная идеология, убивает в зародыше всякое творчество... Честные, добросовестные и даровитые люди по самому существу не мирятся с рабством. Им как воздух нужна свобода. Большевики этого не понимают... Непросвещенные, бездарные и тупые люди облепили тучами большевистское правительство, превращают в карикатуру даже то, что есть у большевиков лучшего и достойного.

Несомненно, что сознательно или бессознательно, но рабоче-крестьянское правительство делает все от него зависящее, чтобы добиться диктатуры над пролетариатом... Я знаю хорошо, слишком хорошо, в какой бедноте жили русские крестьяне и рабочие. Но, к сожалению, этого не знают идеинные большевики (присосавшиеся к большевикам в такой огромной массе прихвостни это знают) — причину этой бедности нужно искать прежде и после всего в политическом режиме нашей страны. Там, где нет свободы — русским людям необходимо, вставая и ложась спать, неустанно повторять это, казалось бы, общее место, — не может быть ни устроенности, ни благосостояния, там вообще не может быть ничего, что ценится людьми на земле.

Только проникнутые до мозга костей крепостники старой и якобы обновленной России могут не знать этого триюизма. Я с уверенностью могу сказать: 25 октября 1917 года должно считаться днем провала русской революции. Большевики не спасли, а предали рабочее и крестьянское население России. Фразы, самые громкие, остаются фразами, а дела остаются делами. Русскому крестьянину и русскому рабочему, даже русскому образованному человеку прежде всего нужно было получить звание гражданина. Нужно было ему внушить сознание, что он не раб, над которым издевается всякий кому не лень, что у него есть права, священные права, которые он сам и всякий обязан оберегать. Это и провозгласило, как все знают, Временное правительство в первые дни своей деятельности. Но «права человека и гражданина», права, о которых целые столетия тосковала несчастная страна, остались только на бумаге. На деле же через несколько месяцев начали восстанавливать старое бесправие. Большевистские декреты и многочисленные большевистские прокламации, засыпавшие всю Россию, были поняты и истолкованы населением как призыв к захватам и грабёжам: «Бери, кто может и сколько может, потом поздно будет». Трудно описать азарт грабежа, охвативший всю Россию...

...Бесправные люди, которые, не щадя здоровья и жизни даже, должны нести свой труд и свое имущество на пользу «целого». Вот что принёс большевизм, так много обещавший рабочим и крестьянам. Но у «идейных» большевиков есть еще один, последний аргумент. Да, говорят они, русским мужикам и рабочим мы ни-

чего не могли дать и Россию разрушили. Но иначе и быть не могло. Россия слишком отсталая страна, русские слишком некультурны, чтобы воспринять наши идеи. Но не в России и русских дело. Наша задача — шире. Нам нужно «взорвать» Запад, уничтожить мешанство Европы и Америки. И мы будем до тех пор поддерживать пожар в России, пока пламя не перенесется к нашим соседям, а от них не распространится по всему миру. Вот в чем высшая наша задача, вот наша последняя заветная мечта. Мы дадим Европе идеи — Европа даст нам свою «технику», свою умелость, организационный дар и так далее. Это ultima ratio (самый последний довод. — Ред.) большевиков. Какая ему цена?

За долгое свое пребывание в областях, находившихся под большевистским управлением, я подметил один очень любопытный факт. Лучшие всего отгадывали и предсказывали события очень молодые и не очень умные люди. И наоборот, те, кто постарше и поумнее, всегда ошибались в своих предсказаниях. Им казалось,

что Россия недолго будет под властью большевиков, что народ восстанет, что при первом появлении сколько-нибудь организованной армии большевистские войска растают, как снег на солнце.

Действительность обманула предвидение опытных и умных людей... Проро-

ками оказались молодые и неумные. И сейчас, когда пытаешься заглянуть в будущее, ставишь себе вопрос: на кого положиться, на умных или на неумных? Умные, очевидно, исходят из того представляющего им самое очевидное положение, что люди и народы в своих действиях руководствуются своими жизненными «интересами» и инстинктивно чувствуют, что им полезно и что вредно. Для них ясно было, что большевизм губителен, что он приведет к неслыханным бедам, к холоду, к голоду, к нищете, к рабству и так далее. Стало быть, говорили они, он не может долго просуществовать. Продержится недели, месяцы и сам собой погибнет. Но уже прошло больше двух лет, скоро будет три года, и все же большевизм держится. Держится, хоть и голод, и холод, и эпидемии свирепствуют с ужасающей силой. Стало быть, не здравый смысл руководит людьми?.. Но, скажут, это — русские, они могут примириться и с нуждой, и с бесправием, и с чем угодно. В России точно пророками являются очень молодые и не очень умные люди. Европа — дело иное.

Точно ли дело иное? Я бы не рискнул пророчествовать... Европа все-таки понемногу справляется с трудным положением и, пожалуй, выйдет из него победительницей. Иначе говоря, мне казалось, что в России благодаря ее некультурности Богу и теперь, как в отдаленные библейские времена, удалось смешать языки и довести людей до полного одичания, но в Европе люди вовремя спохватились, одумались и перехитрили Бога; что в Европе снова началось сотрудничество людей и народов и что вавилонской башне современной культуры суждено еще продолжать достраиваться вопреки воле Всевышнего... Большевизм начал с разрушения и ни на что другое, кроме разрушения, не способен.

Если бы Ленин и те из его товарищей, добросовестность и бескорыстие которых стоят вне подозрений, были настолько проникательны, что поняли бы, что они стали игрушкой в руках истории... Мечта (большевиков) взорвать Европу — если ей суждено осуществиться — будет знаменовать собой не торжество, а гибель социализма и приведет к страдавшим народам к величайшим бедствиям... Суждено ли и Западу стать жертвой иллюзии и испытать участь России, или судьба уже насытилась человеческими бедствиями — на этот вопрос может ответить только будущее, пожалуй, не столь уж отдаленное...

Защитники Белого дома

Три дня на баррикадах у российского парламента стояли люди. Известные и неизвестные. Сотни, тысячи, которым сегодня благодарны миллионы...

Вечером 20-го перед москвичами по радио «Эхо Москвы» совсем неожиданно и очень обстоятельно выступил акушер-гинеколог 6-й вильнюсской больницы, председатель профсоюза медицинских работников Литвы 27-летний **Вайдотас Варявичюс**.

Очень подробно рассказал, как надо стоять перед танками, чтобы было не очень страшно: крепко взявшись за руки, цепью, иначе побежишь, не выдержишь. Еще посоветовал взять с собой к Белому дому горячий чай или кофе в термосе — ночью может быть холодно. Не забыть про теплую одежду, про еду. Моссовету, где он выступал незадолго до этого, тоже посоветовал организовать подвоз горячей пищи и позаботиться о всяких других удобствах. Кто знает, сколько времени продлится противостояние.

Все это Вайдотас говорил со знанием дела — опыт приобрел во время вильнюсских событий в январе. А

в заключение радиовыступления сказал, что литовцы солидарны с москвичами — перед лицом диктатуры все равны. От его выступления стало очень тепло и спокойно.

Как и у всех в Литве, у Вайдотаса сначала сложилось впечатление, что в Вильнюсе происходит что-то очень похожее на январские события. Но потом он узнал, что в Москве — центр путча. Понял, что на этот раз судьба демократии будет решаться не в Литве, а в России. И выехал в Москву.

— Я хотел поделиться с защитниками Белого дома накопленным в Вильнюсе опытом, — говорит он, — поддержать их морально, сказать им, что в Литве люди однозначно восприняли: в России произошел государственный переворот. Я мог рассказать только о технических деталях, которые москвичам еще предстояло изучить. Я не хотел, чтобы они делали те же ошибки, что и мы в январе.

Выступив по «Эхо Москвы», Вайдотас Варявичюс направился к Белому дому и, когда увидел, сколько там военной техники, поначалу испугался за судьбу стоявших на площади. Но присоединился к ним.

Радиостанция «Свобода» доказала свою незаменимость в условиях государственного переворота. Два ее московских корреспондента 27-

летний **Андрей Бабицкий** и 29-летний **Михаил Соколов** — все три дня переворота вели круглосуточное прямое вещание с 11-го этажа Белого дома. В страшную ночь с 20 на 21 августа, когда казалось, что штурм неизбежен, «Свобода» стала единственным всесоюзным и всемирным органом массовой информации, который имел возможность рассказывать о происходящем вокруг российского парламента.

Андрей Бабицкий — москвич, после школы

перепробовал десяток профессий — кочегара, киномеханика, сторожа, бетонщика, пока не пришел в полуподпольный журнал «Гласность», издаваемый Сергеем Григорянцем. После того как радиостанция «Свобода» перестали глушить, да и отношение к ней «по-тепелло», Андрей начал работать на нее. Свои убеждения считает либерально-консервативными.

В утро переворота Андрея разбудил его коллега Михаил Соколов. Поняв, где будет основной пункт сопротивления реакции и военной диктатуре, корреспонденты отправились к зданию российского парламента. — В ночь с 20 на 21 августа было реальное ощущение, что вот-вот начнется штурм, но мы решили оставаться в здании до его начала, а потом, если будет возможность, покинуть здание и передавать информацию о происходящем со стороны, — говорит Андрей. Он сомневался, что путч, возглавляемый таким лидером, как Янаев, может быть всерьез и надолго. Вероятно поэтому корреспонденты в эфире не теряли чувства юмора, а голос их даже в три часа ночи звучал вполне бодро.

Михаил Соколов родом из Петрозаводска. Окончил фотоотделение факультета журналистики МГУ. В 1983 году пришел на работу в газету «Советская Россия». Через год его уволили «за длинный язык и несогласие с руководством». Острый язык пригласили на «Свободу», а политические взгляды — в «Собеседнике». Считает себя сторонником радикального крыла Демократической России.

Узнав о перевороте,

порадовался, что накануне прочитал книгу о подпольной работе польской «Солидарности». В Белый дом собирался со знанием дела — уложил в сумку документы, деньги. Думал, арестуют. Считает, что выход передач был бы невозможен без дежуривших в мюнхенской студии «Свободы» Савика Шустера (которого незадолго до путча не пустили в Советский Союз), Владимира Кромаса, Всеволода Пара.

Самым уязвимым местом обороны российского Белого дома было бюро пропусков. Там было меньше всего народа, а нагромождение ступенек создавало удобные подходы для тех, кто вздумал бы штурмовать парламента. У бюро пропусков дежурила третья сотня ополчения. Но подходивших встречали не ополченцы, а 50-летний монах **Гермоген**, насаельник Троице-Сергиевой лавры. Все трое суток стоял он там, убеждая: Бог должен спасти Россию.

В день, когда Москва хоронила павших на баррикадах, монах Гермоген в окружении казаков нес портрет императора Николая II. «Примите мои соболезнования по убиен-

ным большевиками», — говорил он проходящим мимо. И ни о чем другом — ни слова: «Неудобно, кругом гробы».

Путч совпал с открытием Конгресса соотечественников. **Мстиславу Ростроповичу** и Галине Вишневской приглашение послали заранее, но участвовать в конгрессе Ростропович отказался. Все, что хотел и мог, он уже сказал, когда приезжал на Сахаровский конгресс, а дел, обязательств по всему миру — на годы вперед и по дням расписано.

О перевороте maestro узнал по телевидению. Семья их вообще очень политизированная: выписывают кучу «левых» газет, телевизор их принимает Москву, а сам Ростропович играл Баха и Дворжака на развалинах берлинской стены. Узнав о перевороте, дочери Лене Мстислав сказал, что пошел в банк, и не обманул: на поездку в Москву нужны были деньги. Успел написать письмо Галине, которая в тот день была в Лондоне, — на случай, если не вернется.

В Москве, конечно, возник вопрос о визе. Ростропович вспомнил, что его имя должно быть в списке приглашенных на конгресс. Так и оказалось. Когда прошел контроль, не удержался, сказал пограничнику:

«А я не на конгресс, я на баррикады». Судившемуся услышал: «Молодец!»

На минуту заехал к сестре, которая живет в паре шагов от Пресни, и оттуда направился к Белому дому. Долго стоял под дождем, совершенно не парламентски говорил о хунте. Его заметили с балкона, прислали автоматчиков, пригласили в здание. Отказывался, кричал, что должен быть с простыми людьми, а не с начальством. Потом согласился: российское начальство — неплохая компания. Когда все закончилось, заказал молебен за спасение России в Обыденской церкви. Молился и плакал. А потом пошел к памятнику Дзержинскому. По словам очевидцев, там у подножия пьедестала кто-то сидел и играл на аккордеоне. Ростропович подсел рядом. Предложил сохранить постамент на площади для памятника Солженицыну.

Хотя в этот приезд в Москву Ростропович не играл, цветов ему подарили не меньше, чем обычно на выступлениях. Он попросил положить их на могилы троих погибших героев.

За неполных три дня ему постоянно звонили знакомые, корреспонденты. Около двухсот раз — подсчитала его сестра. Но разговаривал он только с теми, кто стоял на баррикадах.

Леонид Гольдин

«Я приехал сюда испугать свою вину» — так в прошлогоднем интервью нашему журналу определил свою миссию вновь назначенный посол Советского Союза в Чехословакии **Борис Панкин** — имея в виду советские танки на улицах Праги 21 августа 1968 года. В ночь на 21 августа этого года, когда танки тех же

реакционных сил шли по улицам Москвы, за полчаса до назначенного ГКЧП штурма Белого дома посол Б.Панкин и советник-посланник А.Лебедев распространили по каналам ЧТК свой протест «против варварских и незаконных действий сил ГКЧП».

Борис Панкин, год рождения 1931-й, из плеяды тех, кого зовут «шестидесятниками». Окончив в 1953 году МГУ, прошел путь от стажера до главного редактора «Комсомольской правды». Возглавляемая им с 1965 по 1973 год «Комсомолка», подобно «Новому миру» Твардовского, была форпостом свободолобного общественного сознания.

Писатель, критик, публицист стал дипломатом, но, как мы видим, дипломатичать не научился. И этим не раз вызывал недовольство того МИДа, что торопливо в дни путча стал кое-где снимать портреты президента страны.

В день переворота двое детей Панкина находились в Москве. Ночь с 20 на 21 августа его дочь провела в редакции «Независимой газеты», помогая готовить очередной номер запрещенного издания. Сын — на баррикадах перед Белым домом.

В том уже упоминавшемся интервью «НВ»

Борис Панкин поднял вопрос о департизации наших представителей за рубежом. В дни переворота посол СССР поставил этот же вопрос, что называется, ребром — вместе с женой вышел из рядов КПСС.

23-летний лейтенант **Николай Сытник** одним из первых советских офицеров пришел к зданию российского парламента. 19 августа, закончив очередное дежурство по 146-й автобазе Министерства обороны СССР, переоделся в гражданское и — на баррикады. В течение всех драматических дней и ночей был вместе с шестой сотней ополченцев. А в ночь с 21 на 22 августа, уже в офицерской форме, привел к российскому Белому дому двенадцать солдат-добровольцев из своей части. Прихватили два грузовика с автобазы. На них потом доставляли еду к дежурившим у парламента, возили депутатов по Москве для переговоров с военными частями.

Двенадцать солдат и офицеров были приняты на учет и оформлены как первое военное формирование Министерства обороны России.

Когда вокруг Белого дома стало спокойнее, Николая собирались откомандировать обратно в часть. Но сослуживцы поступка Сытника не поняли и об-

явили его «преступником» и «дезертиром». На старое место службы Николай возвращаться не хочет и не может, но готов выполнять присягу и служить народу и Отечеству. Не может Николай вернуться и домой. Друзья сказали, что в квартиру его уже приходили из части, интересовались у родителей, куда делся сын. Грозил, что непременно арестуют.

Около часу ночи 21 августа корреспонденты «Свободы» передали с 11-го этажа Белого дома: «Ой, к нам здесь суденышко пришло. И встало к причалу у Белого дома. Мы его «Авророй» прозвали». Это было не суденышко, а первый из речных пароходов, которые пришли охранять Белый дом. Следом за ним шли еще четыре, тянувшие две баржи. Речники решили принять участие в обороне.

Капитан судна «Речной-37», теперь уже, наверное, «Авроры», **Александр Комович** одним из первых сообразил, что возможна атака с реки. Речники решили оборонять парламент еще 19 числа по инициативе капитанов и по решению профсоюзного собрания. «Зачинщиком» был Комович. Уже после этого к речникам обратился Силаев, которого не было в Белом доме и который создавал дублирующий штаб обороны и противостояния путчу на случай разгрома Российского парламента.

Комович окончил Московский речной техникум, служил в армии, работал на Московском судостроительном заводе. А пять лет назад был назначен капитаном «Речного-37». За ним по Москве шли «Речной-21», «Речной-44», «Речной-25» и «Волгарь-32». На борту флагмана написали: «Флот за Президента России».

Поговорим о соловьях

Татьяна
Иванова

Давайте не забудем о заслугах наших писателей и журналистов, обслуживавших и растивших хунту. И воздадим им должное...

Когда имена заговорщиков стали мне известны, не скрою, мрак, окутавший душу при известии о самом заговоре, еще сгустился, хоть дальше, казалось, некуда. Будто у черноты появился еще один, особо черный оттенок.

Конечно, было понятно, что у всех нас, у журналистов «Нового времени», написано к случаю прихода фашистской хунты к власти (что и произошло 19 августа) на пятнадцать лет без права переписки с последующим поражением в правах. Но так подставить редакцию, как я ее подставила, надо было все-таки ухитриться...

Пусть любопытные откроют 31-й номер журнала «Новое время». Моя страничка там начинается словами: «Вы знаете, кто такой Тизяков Александр? Не знаете? Я и сама не знаю. Но согласитесь, дело дошло до края, если некто Тизяков Александр счел необходимым лично обратиться к своему народу. А он вот именно счел...»

Накануне переворота я издевалась над «Словом к народу», опубликованным в «Советской России».

О каждом из подписавших документ я сказала ласковое словцо. Но стоило ли подробно останавливаться на именах Юрия Бондарева или Александра Проханова, и без меня давно всем надоевших? Стоило ли тратить слова на певицу Зыкину? На генералов Варенникова и Громова? Я сочла, что не стоит. Герои прошлого времени. Уходящая натура. А вот Тизяков Александр... Я спрашивала в редакции у всех подряд: кто такой Тизяков Александр? Все пожимали плечами. Ну, что это значит? «Кроме Тизякова Александра, все — герои ушедшего времени. А вот он, возможно, герой нынешнего». Так вот и опубликовано в «Новом времени» в канун переворота...

И вот настает 19 августа. Становится известен поименный список «нового со-

ветского руководства». Становится известно, кто взялся повернуть страну вспять, к сталинизму, арестовав (или убив?) ее законного президента, запретив все газеты, кроме той самой «Советской России» — в нескольких мало чем отличных друг от друга модификациях. Становятся известны имена «героев нынешнего времени». Один из них — Тизяков Александр.

Нет, если бы я над ним только издевалась... Но ведь там, в 31-м номере, написано, выделено ярким шрифтом: «Слово к народу» — призыв к свержению законно избранной демократической власти в России. Призыв к насилию. Там написано: «Слово к народу» зовет Русь к топору — и это единственное, что абсолютно четко прослеживается в невнятном, истерическом, путаном тексте. Там написано, что для Тизякова Александра новогоревский процесс и человеческая встреча Горбачева с семеркой в Лондоне в сочетании с указом Ельцина о департизации представляются концом света...

Словом, как подумаешь, что от души порезвилась над человеком, наславшим на Москву танки, БТРы, амфибии, спецназ, делается не слишком уютно.

Коллеги, однако, не дожидаясь, пока я начну перед ними вить за то, что невольно усугубила их и без того тяжкую вину перед новым режимом, быстро усадили писать листовки против этого режима.

В Белом доме, куда шли насланные никому не известной серой личностью Тизяковым Александром танки, был Ростропович, приготовившийся умереть на своей безжалостной родине в час ее кошмара. Видели ли вы в первую после переворота пятницу

«Взгляд», профессиональные патриоты? Поняли ли вы хоть что-нибудь в том коротком сюжете? В том сюжете, когда Листьев задает вопросы Ростроповичу, а в это время по внутреннему радио Любимов с Политковским объявляют,

что начинается штурм здания? Ростропович не расслышал... Листьев уточнил: «Начинается штурм, но я все равно хотел бы вас дослушать». «Да-да, конечно», — и Ростропович продолжил прерванную извещением мысль...

Там погибли три чистых человека, которых вовек не забудет Россия.

И остальные готовы были гибнуть. И мы все знали, что погибнем, сгинем и пропадем, но не пойдем на службу к гнусному режиму и не дождемся он от нас не только что смиренного или покорности, не только что перьев наших не допросится — а и презрение свое к нему, отражение к нему ни под каким страхом не скроем.

И на всех них, и на всех нас предсказанный нами Тизяков Александр в компании нескольких неумных стариков под водительством человека, на чьем лице — все пороки и чья пошлость вошла в поговорку (вот именно об этой, как теперь выяснилось, банде и шла речь в «Слове к народу»: «...есть государственные мужи, готовые повести Россию»), — на всю Россию наслал Тизяков танки.

И что же это за страна, где тысячи танков подчиняются такой ссери, такой пошлости, такому косноязычию? И что же это за страна, где шайка никому не ведомых, объединившись с никому не интересными и ненужными, может арестовать а то и извести, убить законного президента? И до какого же унижения дожила за семьдесят лет Россия, если ей нечем, кроме жизни самых честных и порядочных из своих граждан, защитить первого в своей тысячелетней истории всенародно, свободно, законно избранного президента!

Но хватит о перевороте. Давайте все же о соловьях. Вот сейчас, во «Взгляде» (надо было у нас случиться военному перевороту, надо было московским улицам обогреться кровью, чтобы «Взгляд» появился на телеэкране... и кто-нибудь, хоть кто-нибудь может ли мне сказать, что же это наконец за страна, в которой с

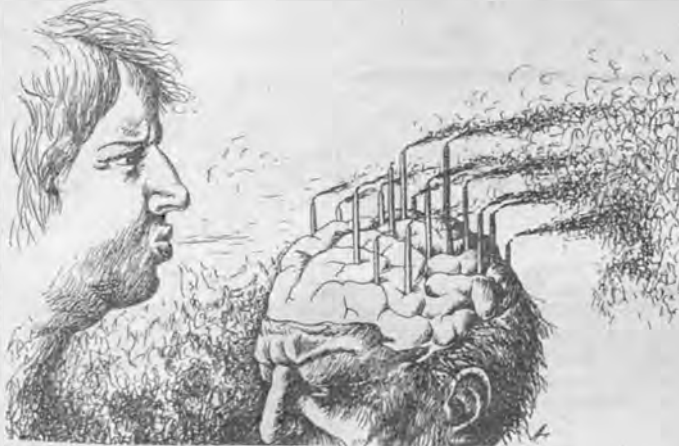

Рисунок Аркадия Гурского

ценами такое несоответствие)... Так вот, сейчас во «Взгляде» писатель Проханов комментировал гибель людей во время переворота. Или, может быть, сам переворот. Не отводя глаз, не сомневаясь в собственной правоте, он заявил, что во имя сохранения территории и, помоему, национально-этнической ценности (могу ошибиться, ибо слов таких не знаю) — во имя этих высших ценностей жертвы оправданны.

Так. И почему же это у нас Язов — хунта, а Проханов — писатель и редактор? Проханов-то ведь соблазнитель. Со своими романами об афганском преступлении, за которые прозван был соловьем геиштаба. Со своим союзом российских писателей. Со своей газетой «День».

Видит Бог, я не щадила КПСС и не собираюсь щадить. Но без писателей КПСС нема. Даже легкий, поверхностный текстологический анализ позволил Нинель Логиновой в газете «Демократическая Россия», вышедшей во время путча листовкой, сказать: в первом же документе «советского руководства» есть строки, написанные скорее всего Кургияном, есть другие — пером Бондарева, есть еще — пером Проханова. Слишком долго читала она тексты этих инженеров человеческих душ, работая в «Литературной газете», чтобы теперь ошибиться.

Да и любой внимательный читатель безо всякого труда увидит поразительное сходство текстов, изошедших на нас от хунты — и «Слова к народу». Я уж и не говорю о том, что сюжет «Слова к народу» воплотился на

сцене, которой стала вся страна (не Кургиян ли ставил пьесу на Садовом кольце, Арбате, Краснопресненской набережной, «на досках», проложенных через холодную грязь, через месиво, в которое превратились за ночь изумрудные лужайки российского Белого дома?).

Страшно и подумать, что Распутин подписал «Слово к народу» не заочно... Страшно подумать — потому что его строки там разглядеть нельзя. Когда-то, во времена, когда Распутин еще писал книги (очень давно, конечно), перепутать его с Бондаревым, а тем более с Прохановым было невозможно. И спокойнее знать, что он подписал произведение, не читая, из дружбы или из вражды к демократам, чем думать, что он стал и сам писать, как Бондарев или Проханов.

Так вот, не забывая об организующей и направляющей роли КПСС (эх, а ведь без нее, родимой, не было бы у нас и сегодняшней победы! Не было бы великой победы, которую обозреватели программы «Вести» Евгений Киселев сравнил с освобождением от татаро-монгольского ига), не забудем и о верных помощниках партии. Не сбросим со счетов заслуги членов Союза советских писателей.

Почему это политуправления в течение стольких лет выписывают за казенный счет журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник»? Чем они так близки сердцу армейского политработника? Докладываю: патриотизмом и государственностью. Что в их — журналов и политработников — понимании патриотизм и

государственность? Патриотизм — это когда любишь СССР в его нынешних границах, называя это пространство тысячелетней Россией, считая все без исключения республики национальными окраинами России. А государственность — это когда не постоишь пролить сколько угодно крови сограждан ради сохранения территории.

Все остальное — я не оговорила, именно все остальное — кибернетика, мода, шляпы, очки, евреи, модернизм, верлибры, конкурсы красоты, гомосексуализм, армяно-азербайджанский конфликт, грейпфрут, цыгане, поворот северных рек, независимая печать, породистые собаки — словом, все, что вы видите вокруг себя, о чем спорите, что надеваете, едите, читаете, всё — масонско-сионистский заговор. Начавшийся еще... С Крещения Руси.

Я пишу это не для смеха. И если вы будете так же усердны, как я, вы поймете, что во всех годовых подшивках «Нашего современника» и «Молодой гвардии» из пятилетки в пятилетку, из эпохи в эпоху эти два любимых в политуправлениях журнала пишут только это — в стихах. И только об этом в прозе.

Эти, а не иные мысли высказываются — пусть другими словами — из года в год все более страстно на СП РСФСР, да, впрочем, и СССР. Другие журналы за отсутствие именно этих мыслей в разные годы подвергались разным карам.

Они же, эти самые мысли, в газетах «День» и «Литературная Россия». Они же в «Советской России». В основных писательских выступлениях «Правды», «Сельской жизни», «Гласности».

Тысячелетняя история + нынешние границы + все остальное есть наши окраины или дальние рубежи + ничего не пожалеем, чтобы сохранить и приумножить равно, а кто так не думает, у того дедушка еврей.

Наши заговорщики произвели путч во имя этих самых идей.

Писатели, обслуживавшие и растившие хунту, заинтересованы в процветании хунты едва ли не

больше ее самой. Потому что на самом деле они очень плохие, бездарные писатели или вообще не писатели. И если хунта окажется неплатежеспособна, кто же будет платить писателям? Как существовать журналу, на который подписываются только в связи с решением парткома? Кто купит книжку, если парткабинеты не закажут ее для собственных библиотек?

Я считала бы справедливым, чтобы «писатель» Проханов, например, собственными руками вставил на место плитки, вывороченные из дороги перед белым Российским домом (защитники свободы готовились отбиться от танков булжниками). А писатель Бондарев, например, за свой счет отремонтировал бы троллейбус «двойку», хоть один. В его любимой, страдающей, бедной России очень трудно сейчас с троллейбусами, а защитникам Белого дома пришлось троллейбусами перегораживать путь танкам. И пусть бы дала пару концертов Людмила Зыкина. Пару концертов в фонд восстановления Смоленской набережной, превращенной в котлованы, надолбы, рвы.

Дорого встают стране песни этих соловьев.

Сегодня приостановлено издание их газет. Это гуманно по отношению к соловьям хунты. Если бы они и сегодня пришли в свои редакции — пять прежние или новые песни, — боюсь, люди поколотили бы их и разбили бы стекла их уважаемых офисов. Пусть посидят молча и подумают в тишине, как повиниться перед согражданами, которых они хотели превратить в рабов.

Свободная Россия больше ведь не будет терпеть их подстрекательские к расправе над инкомыслящими, зовущие к топору тексты. Вы попробуйте понять это, глава писательского союза Юрий Васильевич Бондарев. И когда очередной Крючков попросит вас сформировать творческую бригаду для написания откликов от имени передовых рабочих на статью Нины Андреевой, вспомните сегодняшний день.

Абракадабры. 2

Посвящается «восьминогу», который попытался на прошлой неделе провести операцию «Спрут». У него оказалось больше ног, чем головы, хотя, если бы они победили, полетело бы много голов. Просьба считать эту «Абракадабру» нашей передовой.

Жопы половинные полувинный
люди коммухоз со свиньями
генеральский блуд сопли
микрофонные дело крым труба
сдвиги неуклонные пресс-алибаба
песни лебединые засранный эфир для
премьерши павловой дефицит-зефир
соловьем-разбойником дристанул колхоз
на хрена нам боинги туполевых воз в ту же
миску грязную тех же тухлых щей рожи
несуразные групп товарищей наши к нашим
түлятся коммунизм-нашизм партбилеты с
пулями что полушка жизнь посидели выпили геи
переворот шарики без ниппеля ан невоворот
бездарь коммунальная сволота сволот гадище
анальное воплотили в рот полстакана пива на одно
яйцо на валютной диве взбрыкнешь молодцом
тайными вечерами зомби вечерят нами
растетерями пленум череват родиною матерью
скрежетом эсэс наградили мать твою геи
капэсэс бей круши оттаскивай печени цирроз
приказками сказками обеспечен рост
красные да белые во крови тельца
плёнувши дебелие любят оца ца муж
мужик на пленуме пленумной бычок хоть
душой хоть телом ли как живем молчок
дача с супердачами хор из соловьев
стачками датчиками подлость не
возьмешь улица ты улица сити из
кремлей можно уж не жмуриться
света нет на ней свет дороги к
храму кто со мной по ней
с библией кораном ли
от души своей

Виталий Ганюшкин

Рисунок Игоря Шеина

Новые рейсы

Alitalia

каждый день - в Италию

Ежедневно:

Москва	Милан	Рим
18.00	20.40	22.35

понедельник, среда,
четверг, суббота:

Москва	Рим
16.55	19.40

Любую информацию Вы можете получить в офисе Алиталии в Москве:
103031 Москва, Пушечная ул., 7. Телефоны: 923-98-40, 923-98-56

Alitalia

ФИАТ

КРОМА 2.0

ТУРБО i.e.

Рабочий объем цилиндров, см ³	1995
Мощность, л.с.	158
Максимальная скорость, км/ч	215
Разгон с места до скорости 100 км/ч	7,7 сек.
Расход топлива на 100 км при скорости 90 км/ч	6,3 л.
Расход топлива на 100 км при езде по городскому циклу	9,9 л.

КРОМА 2.0

ТУРБО i.e.